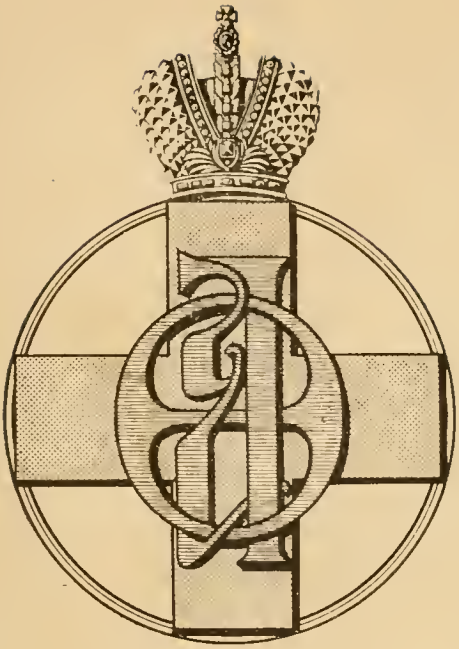

1872 — 1918

П. САВЧЕНКО

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА

Изданіе Общества памяти
Государя Императора Николая II

БѢЛГРАДЪ
1939

Всѣ права сохранены за авторомъ.
Tous droits réservés.

Русская Типографія С. ФИЛОНОВА.
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/gosudaryniaimper008800

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА

(съ портрета Каульбаха)

„Своихъ царей великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу, за добро...“

Такъ свѣтозарный великій русскій поэтъ завѣщалъ намъ относиться къ дѣятельности и жизни нашихъ Царей, Императоровъ, Государынь и Императрицъ.

Въ этой книжкѣ бѣглыми штрихами очерчена не вся многогранная жизнь, а лишь свѣтлая правда о пережитомъ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной, которая свой жизненный подвигъ жены, матери и Русской Императрицы завершила тяжкими страданіями и увѣнчала мученической смертью.

Да возсіяетъ свѣтлый образъ Ея въ памяти благоговѣйно преклоненныхъ предъ жертвеннымъ подвигомъ Царской Семьи русскихъ людей, русской молодежи.

ПРИНЦЕССА АЛИСА ГЕССЕНСКАЯ

„Когда жъ, скорбей и мукъ пройдя черезъ горнило,
Свой путь она свершитъ, нетронута, чиста —
Она вернется въ край, гдѣ блещутъ лишь свѣтила,
Живутъ лишь истина, добро и красота".

Изъ стих. Броницкой, переписаннаго Императрицей.

Заботами русскаго императорскаго правительства во многихъ мѣстахъ Германіи воздвигнуты прекрасные и стильные по ярко-русской архитектурѣ православные храмы. Такой ажурный одноглавый небольшой храмъ среди елокъ украшаетъ городъ Дармштадтъ, лежащій въ лѣсахъ у холмистаго края широкой долины Рейна. Среди мѣстъ, воспѣтыхъ германскими поэтами, на полпути между Висбаденомъ и Гейдельбергомъ, лежитъ этотъ красивый оживленный городъ искусствъ, садовъ и мирной жизни, гдѣ частымъ гостемъ бывалъ Гете; мѣстопребываніе великихъ герцоговъ Гессенскихъ, въ дворцовыхъ музеяхъ которыхъ хранится Мадонна Ганса Гольбейна. Своимъ процвѣтаніемъ онъ обязанъ великимъ герцогамъ созидателямъ, покровителямъ искусствъ. Въ дни Франко-Прусской войны во главѣ герцогства стоялъ Людвигъ IV (1837-91), „рыцарь безъ страха и упрека", хорошій полководецъ, мудрый правитель, отзывчивый человѣкъ и прекрасный отецъ. Онъ былъ женатъ на дочери Королевы англійской Викторіи, принцессѣ

Алисѣ[1]) (1843 - 78), одной изъ передовыхъ женщинъ своего времени, посвятившей себя всецѣло дѣламъ благотворенія, въ тиши, „гдѣ горе слышится“. У нихъ была большая и хорошая семья, состоявшая изъ наслѣднаго принца Эрнста Людвига[2]) и трехъ дочерей — Викторіи[3]), Елизаветы[4]) и Ирены[5]). Въ этой тихой и очень интеллигентной по общему строю жизни семьѣ, вдали отъ столицъ, въ уютѣ провинціальнаго Дармштадта, весной (25 мая) 1872 года родилась дочь, нареченная при крещеніи по протестантскому обряду именами — Алиса, Викторія, Елена, Луиза, Беатриса. Младшая въ семьѣ, красивый ребенокъ, она была общей любимицей, особенно бабушки, королевы Викторіи, которая очень любила ея мать. О раннемъ дѣтствѣ принцессы Алисы сохранились краткія упоминанія въ письмахъ ея рано скончавшейся матери[6]). Общеизвѣстенъ эпизодъ, переданный баронессой А. К. Пиларъ, фрейлиной Государыни Императрицы Маріи Александровны[7]). Во время посѣщенія Государыней Дармштадта въ семидесятыхъ годахъ Принцесса Алиса Гессенская привела показать ей всѣхъ своихъ дѣтей; принесла на рукахъ и маленькую Алису. Императрица, указавъ на нее, сказала, обернувшись

---

[1]) Урожденная принцесса Великобританіи и Ирландіи и герцогиня Саксонская.

[2]) Съ марта 1891 года — великій герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій.

[3]) Впослѣдствіи — супруга принца Людвига Баттенбергскаго, главнокомандующаго англійскаго флота.

[4]) Супруга Великаго Князя Сергія Александровича (Элла); она была на восемь лѣтъ старше Государыни и питала къ ней скорѣй материнскія чувства

[5]) Супруга принца Генриха, брата Императора Вильгельма II.

[6]) Государыня потомъ говорила: „У меня остались отъ этихъ первыхъ лѣтъ такія красивыя, поэтическія и благотворныя воспоминанія о Дармштадтѣ. У меня было столько добрыхъ друзей“.

[7]) Супруга Им. Александра II, такъ же, какъ и первая супруга Им. Павла I, Наталья Алексѣевна, изъ Великогерцогскаго Гессенскаго дома.

къ баронессѣ Пиларъ: „Поцѣлуйте у нея руку — это будущая ваша императрица".

Когда принцессѣ Алисѣ было всего шесть лѣтъ (въ 1878 г.), у нея умерла мать, и она лишена была нормальной семейной обстановки, благодѣтельной материнской ласки и сердечнаго, незамѣнимаго участія; но, съ другой стороны, это вызвало, какъ часто бываетъ въ хорошихъ семьяхъ, особенное вниманіе къ осиротѣвшей младшей внучкѣ со стороны бабушки, королевы Викторіи, которая всю свою любовь и нѣжность перенесла съ любимой дочери на внучку, бѣлокурую прелестную Алису. Поэтому большую часть своего дѣтства и отрочества будущая Государыня провела въ Англіи, при дворѣ Королевы Великобританіи, о которой одинъ вдумчивый біографъ сказалъ: „Въ этой королевѣ гордость монархіи смѣшивается съ культомъ семьи". Здѣсь главнымъ образомъ формировался душевный строй, вырабатывались привычки, склонности, укоренялись симпатіи принцессы Алисы; здѣсь, среди пышности традицій англійскаго Двора, въ масштабѣ великой державы, своеобразнаго уклада англійскаго быта и подъ вліяніемъ англійскаго воспитанія складывался характеръ, вырабатывались взгляды, запечатлѣвались картины державнаго величія у будущей Государыни[1]).

---

[1]) Извѣстно, что королева Викторія не любила нѣмцевъ и особое нерасположеніе питала къ Им. Вильгельму II, что она невольно передала и своей внучкѣ, которая всю жизнь потомъ чувствовала большое тяготѣніе къ Англіи, своей родинѣ со стороны матери, материнскимъ языкомъ считала англійскій и дѣтямъ своимъ дала отчасти англійское воспитаніе.

Французскій посолъ М. Палеологъ въ 1914 году говорилъ: „Александра Ѳеодоровна не нѣмка ни по уму, ни по сердцу, и никогда ею не была. Конечно, она таковая по рожденію, но, потерявъ рано мать, она жила обычно при англійскомъ дворѣ. Ея воспитаніе, образованіе, сформированіе сознанія и морали стали совершенно англійскими. И нынѣ еще она англичанка по своей внѣшности, манерѣ себя держать, нѣкоторой натянутости и пуританизму, неуступчивости и воинственной суровости совѣсти, наконецъ,

Въ то же время она обожала своего отца и была очень привязана къ небольшому кругу своей семьи.

Когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, ея вниманіе впервые было привлечено къ нашей далекой снѣжной невѣдомой Родинѣ, такъ какъ ея старшая сестра, Великая Княжна Елизавета Ѳеодоровна, выходила замужъ за брата русскаго Императора, Великаго Князя Сергія Александровича. Принцесса Алиса пріѣхала на эту пышную свадьбу въ Петербургъ и тамъ подружилась съ дѣтьми Государя — Великой Княжной Ксеніей и ея шестнадцатилѣтнимъ братомъ, Наслѣдникомъ Престола, Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ. Ему очень понравилась эта изящная, красивая, веселая, даровитая, скромная принцесса, и онъ какъ-то подарилъ ей маленькую брошку. Сперва она приняла ее, но потомъ, послѣ дѣтскихъ раздумій, рѣшила, что подарка отъ малознакомаго, хотя и такого милаго и понравившагося, принимать нельзя. И на дѣтскомъ балу въ Аничковомъ дворцѣ, танцуя съ Наслѣдникомъ, она вложила ему въ руку комочекъ бумаги, въ которомъ была подаренная брошка. Цесаревичъ былъ очень огорченъ этимъ, подарилъ эту брошку своей сестрѣ, а маленькая сестра тети Эллы стала ему еще дороже.

Такъ началась эта трогательнѣйшая повѣсть, герои которой не только сумѣли годами бороться за право и для коронованныхъ особъ брака по любви, но въ результатѣ, добившись своего, явили міру примѣръ одного изъ счастливѣйшихъ браковъ и построили идеальнѣйшую семью.

Оба — натуры замкнутыя, настроенныя романтично, они, видимо, съ первой встрѣчи, испытали зарожденіе серьезнаго чувства взаимной сим-

---

по многимъ своимъ привычкамъ. Этимъ, впрочемъ, ограничивается то, что принадлежитъ ея западному происхожденію.

патіи, привязанности, которое стало крѣпнуть въ живое и глубокое чувство любви.

Черезъ десятки лѣтъ, въ тяжелые годы войны, Государыня вспоминала: „Тридцать два года назадъ уже мое дѣтское сердце исполнилось глубокой любовью къ тебѣ“ (1916 годъ).

Это же подтверждаетъ слѣдующая запись въ дневникѣ Наслѣдника (декабрь 1891 года): „Моя мечта — когда-либо жениться на Аликсъ Г. Я давно ее люблю[1]), но еще глубже и сильнѣе съ 1889 г., когда она провела шесть недѣль въ Петербургѣ“.

Во время этого второго пріѣзда, когда семнадцатилѣтняя принцесса гостила у своей сестры, она принимала участіе въ жизни Двора, присутствовала на парадахъ, пріемахъ и балахъ и, будучи очень красива (за ея веселость и ослѣпительную красоту близкіе ее называли „Солнечный лучъ“), имѣла успѣхъ.

Всѣ готовы были видѣть уже въ ней невѣсту Наслѣдника, но она вернулась въ Дармштадтъ.

Послѣ этого пріѣзда Наслѣдникъ рѣшилъ открыть родителямъ переживаемыя чувства и поговорить о твердомъ намѣреніи жениться на горячо любимой дѣвушкѣ.

„Уже полтора года прошло съ тѣхъ поръ, писалъ онъ въ дневникѣ (декабрь 1891 года), какъ я говорилъ объ этомъ съ Папа въ Петергофѣ, а съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось. Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществленія моей завѣтной мечты; единственное препятствіе или пропасть между ней и мною — это вопросъ религіи! Кромѣ этой преграды, нѣтъ другой; я почти убѣжденъ, что наши чувства взаимны! Все въ волѣ Божьей. Упо-

[1]) Черезъ годъ послѣ свадьбы Государь, будучи съ Государыней въ Петергофѣ, сдѣлалъ такую запись въ дневникѣ: „Послѣ кофе пошли наверхъ и обошли коттэджъ, учебный домъ и итальянскій домикъ у сѣтки. Видѣли окно, на которомъ мы оба вырѣзали свои имена въ 1884 г...“.

вая на Его милосердіе, я спокойно и покорно смотрю на будущее".

Въ августѣ 1890 года принцесса Алиса вновь гостила у своей августѣйшей сестры въ подмосковномъ имѣніи Ильинскомъ. 20 августа Наслѣдникъ записалъ въ дневникѣ: „Боже! какъ мнѣ хочется поѣхать въ Ильинское, теперь тамъ гостятъ Викторія съ Аликсъ; иначе если я не увижу теперь, то еще придется ждать цѣлый годъ, а это тяжело!!!"

Этотъ пріѣздъ остро растравилъ сдерживаемыя чувства особенно потому, что внѣшняя обстановка складывалась очень неблагопріятно: Императоръ Александръ III, указывая на то, что Наслѣдникъ еще молодъ, не хотѣлъ женитьбы на нѣмецкой принцессѣ, хотя бы и воспитанной въ Англіи, такъ какъ въ тѣ дни закладывались основанія франко-русскаго союза, и выдвигался болѣе своевременный планъ брака Наслѣдника съ принцессой Орлеанскаго дома Еленой, дочерью графа Парижскаго.

Вѣрно сказалъ Пушкинъ въ „Русалкѣ";

„Князья не вольны,
Какъ дѣвицы — не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой..."

Принцесса Алиса прекрасно понимала создавшееся положеніе: она знала, какъ горячо ее любитъ Наслѣдникъ, котораго она тоже глубоко полюбила на всю жизнь; она знала, что Наслѣдникъ связанъ своимъ высокимъ положеніемъ, но что онъ неуклонно и упорно настаиваетъ на своемъ желаніи видѣть только ее своей невѣстой и женой; въ то же время она, отклоняя предложенія иныхъ брачныхъ союзовъ, была очень встревожена, какъ натура прямая и какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, перспективой обязательной перемѣны исповѣданія, если она станетъ невѣстой и женой Наслѣдника русскаго престола. Тѣмъ не менѣе оба они упорно

боролись за свое счастье, какъ эта борьба ни была трудна: наслѣднику — съ волей родителей, ей — съ убѣжденіями вѣры.

1-го марта 1891 г. умеръ отецъ принцессы Алисы; она осиротѣла; несмотря на большую семью, она становится одинокой въ мірѣ, но она знала, что она не одинока. Въ великой сѣверной странѣ билось горячо любящее ее сердце. Тамъ же была ея старшая сестра, въ эти годы — ихъ добрая покровительница.

НЕВѢСТА

„Верея ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати".

Съ начала 1894 года неопредѣленное положеніе въ вопросѣ бракосочетанія Наслѣдника рѣзко измѣнилось. Въ январѣ Императоръ Александръ III опасно заболѣлъ; по предложенію Великаго Князя Михаила Николаевича, какъ старѣйшаго члена семьи, рѣшено было поспѣшить съ бракосочетаніемъ Наслѣдника; въ переговорахъ объ этомъ съ Великимъ Княземъ Цесаревичъ категорически заявилъ, что онъ любитъ принцессу Алису и ни на комъ другомъ не женится. Согласіе Императора было дано, и вечеромъ 2-го апрѣля Наслѣдникъ Цесаревичъ въ обществѣ трехъ августѣйшихъ дядей, ихъ женъ и свиты выѣхалъ въ Кобургъ, къ своей августѣйшей тетѣ, офиціально — на свадьбу брата принцессы Алисы, а фактически — сдѣлать предложеніе ей, о чемъ свидѣтельствовало присутствіе въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Наслѣдника, протопресвитера І. Янышева[1]), на котораго возлагалась обязанность

[1]) О. Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ 18 лѣтъ занималъ должность ректора Петербургской духовной академіи, 13 лѣтъ былъ настоятелемъ русской церкви въ Висбаденѣ; въ 1864-65 г.г. знакомилъ съ основами православія Им. Марію Ѳеодоровну; съ 1883 г. по 1910 г. — духовникъ Ихъ Величествъ.

преподать принцессѣ Алисѣ основы православнаго вѣроученія, и Екатерины Адольфовны Шнейдеръ, учительницы русскаго языка Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны; она должна была обучить русскому языку принцессу Алису. 4 апрѣля прибыли въ Кобургъ, торжественно встрѣченные родственниками, войсками и населеніемъ. Первый серьезный разговоръ Наслѣдника съ принцессой произошелъ на слѣдующее утро; о немъ — такая запись въ его дневникѣ: „5 апрѣля. Вторникъ. Боже! Что сегодня за день! Послѣ кофе, около 10 часовъ пришли къ т. Элла въ комнаты Эрни и Аликсъ. Она замѣчательно похорошѣла и выглядѣла чрезвычайно грустно. Насъ оставили вдвоемъ, и тогда начался между нами тотъ разговоръ, котораго я давно сильно желалъ и вмѣстѣ очень боялся. Говорили до 12 часовъ, но безуспѣшно, она все противится перемѣнѣ религіи. Она бѣдная много плакала..." На слѣдующій день снова запись: „...Аликсъ пришла, и мы говорили съ ней снова; я поменьше касался вчерашняго вопроса, хорошо еще, что она согласна со мной видѣться и разговаривать..." Пріѣхали Королева Викторія и Им. Вильгельмъ II. 7-го апрѣля состоялась свадьба брата принцессы Алисы; Наслѣднику очень понравилась отличная проповѣдь пастора, содержаніе которой удивительно подходило къ его настроенію. „Мнѣ въ эту минуту, подумалъ онъ, захотѣлось посмотрѣть въ душу Аликсъ!"

Наконецъ, колебанія и томительныя ожиданія кончились: 8-го апрѣля Наслѣдникъ записалъ въ дневникѣ: „Чудный, незабвенный день въ моей жизни — день моей помолвки съ дорогой, ненаглядной моей Аликсъ. Послѣ 10 часовъ она пришла къ т. Михенъ[1]) и, послѣ разговора съ ней, мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась съ плечъ; день ходилъ, какъ въ дурманѣ... Даже не вѣрится, что у меня невѣста".

---

[1]) Великая Княгиня Марія Павловна — супруга Вел. Князя Владимира Александровича.

Въ письмѣ къ матери, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Наслѣдникъ такъ описывалъ пережитое: „Она плакала все время и только отъ времени до времени произносила шопотомъ: „Нѣтъ, я не могу". Я однако продолжалъ настаивать и повторять свои доводы, и хотя этотъ разговоръ длился два часа, онъ не привелъ ни къ чему, потому что ни она, ни я не уступали. Я передалъ ей ваше письмо, и послѣ того она уже не могла спорить. Она рѣшила переговорить съ т. Михенъ. Что касается меня, то въ теченіе этихъ трехъ дней я все время находился въ самомъ тревожномъ состояніи... Она пришла къ т. Михенъ и затѣмъ вышла къ намъ въ гостиную, гдѣ мы сидѣли съ т. Эллой и Вильгельмомъ. Насъ оставили однихъ, и тутъ съ перваго же слова она согласилась. Одному Богу извѣстно, что произошло со мной. Я плакалъ, какъ ребенокъ, и она тоже. Но лицо ея выражало полное довольство. Нѣтъ, дорогая мама, я не могу выразить вамъ, какъ я счастливъ, и въ то же время, какъ мнѣ жаль, что я не могу прижать къ своему сердцу васъ и моего дорогого папа. Весь міръ сразу измѣнился для меня: природа, люди, все; и всѣ мнѣ кажутся добрыми, милыми и счастливыми. Я не могъ даже писать, до того дрожали у меня руки. Она совершенно перемѣнилась: стала веселой, забавной, разговорчивой и нѣжной..." Говоря дальше о словахъ Спасителя: „Все, что ты просишь у Бога, дастъ тебѣ Богъ", — Государь пишетъ: „Слова эти безконечно мнѣ дороги, потому что въ теченіе пяти лѣтъ я молился ими, повторяя ихъ каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликсъ переходъ въ православную вѣру и дать мнѣ ее въ жены..." Въ отвѣтъ на это письмо Им. Марія Ѳеодоровна прислала сыну ласковое письмо, а принцессѣ Алисѣ дорогой подарокъ, прося не звать ее больше тетей, а мамой.

Всю жизнь затѣмъ Государыня вспоминала[1])

[1]) Слѣдователь Н. Соколовъ говоритъ: „Его жени-

этотъ незабываемый день ея обрученія[1]). 8 апрѣля 1915 года она писала: „Мои молитвы и признательныя мысли, полныя глубочайшей любви, витаютъ вокругъ тебя въ эту дорогую годовщину. Какъ годы проходятъ! Уже 21 годъ. Ты знаешь, я сохранила сѣрое платье princesse, которое я носила въ это утро. И я буду носить твою дорогую брошку". И черезъ годъ: „Дорогой мой, болѣе чѣмъ когда-либо я буду думать о тебѣ въ 22-ую годовщину нашего обрученія. Я хотѣла бы крѣпко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства... Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я еще ощущаю твой сѣрый костюмъ, запахъ его, у окна въ Кобургскомъ дворцѣ"...

И даже въ письмѣ изъ Тобольска: „Сегодня 24-ая годовщина нашей помолвки..."

Двѣнадцать незабываемыхъ дней провели затѣмъ вмѣстѣ помолвленные (Наслѣдникъ называетъ въ дневникѣ невѣсту — милой, душкой, дорогой, Аликсъ). Они отвѣчали на безчисленныя поздравительныя телеграммы; ѣздили вдвоемъ въ шарабанчикѣ въ горы, сосѣдніе замки и поля, гдѣ собирали букеты цвѣтовъ[2]); по вечерамъ слушали серенады военныхъ оркестровъ; на день выѣзжали въ родной невѣстѣ Дармштадтъ, гдѣ среди холодной, но цвѣтущей и благоухающей (много цвѣло сирени) весны ихъ встрѣтили толпы народа, иллюминація... Всѣ эти дни принцесса брала уроки русскаго языка (11 апрѣля она написала уже двѣ фразы по-русски

ховскій подарокъ ей — кольцо съ рубиномъ — она всегда носила на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ".

[1]) „Знаменательное событіе помолвки Наслѣдника Цесаревича, писали русскія газеты, вызвало повсемѣстное торжество... Да сольются воедино молитвы русскихъ людей о томъ, чтобы бракъ этотъ былъ счастливъ и свѣтелъ и служилъ бы такимъ же образцомъ христіанской семьи, какой Россія имѣетъ въ семейной жизни благополучно царствующаго нынѣ Верховнаго Вождя своего".

[2]) „Такъ странно кататься и ходить съ ней просто вдвоемъ, даже не стѣсняясь нисколько, какъ будто въ томъ ничего удивительнаго нѣтъ" (Дневникъ 15 апрѣля).

безъ ошибки). Наслѣдникъ говѣлъ, такъ какъ шла Страстная недѣля; не нарочно ли, чтобы показать новообращаемой всю красоту православныхъ богослуженій, были выписаны изъ Петербурга пѣвчіе. Въ Страстную субботу прибылъ фельдъегерь изъ Петербурга съ письмами, орденомъ и чудесными подарками для невѣсты отъ Ихъ Величествъ. („Много радости они доставили этимъ намъ обоимъ, говоритъ Наслѣдникъ: я ей прочелъ письма родителей, отъ которыхъ такъ вѣяло теплой любовью и удовлетвореннымъ чувствомъ радости") Въ среду на Пасхальной недѣлѣ Августѣйшая Невѣста уѣхала въ Дармштадтъ, а оттуда въ Англію, къ королевѣ въ Виндзоръ. „Я бродилъ одинъ по знакомымъ и дорогимъ мнѣ теперь мѣстамъ и собралъ ея любимые цвѣты, которые отправилъ ей въ письмѣ вечеромъ", записалъ въ тотъ день Наслѣдникъ, передъ отъѣздомъ въ Россію.

Началась ежедневная регулярная переписка; въ дневникѣ Цесаревича ежедневныя записи о тяжести разлуки, о желаніи новаго свиданія.

Оно наступило черезъ полтора мѣсяца, когда Наслѣдникъ на яхтѣ „Полярная Звѣзда", въ сопровожденіи протопресвитера І Янышева ѣдетъ къ невѣстѣ въ Англію. 8-го іюня они встрѣтились въ Уолтонѣ, гдѣ принцесса Алиса гостила у своей сестры, въ семьѣ принца Баттенбергскаго. „Я очутился въ объятіяхъ моей нареченной, которая показалась мнѣ еще болѣе прекрасной и еще болѣе милой, чѣмъ раньше", писалъ Наслѣдникъ матери. „Такимъ образомъ мы провели три спокойныхъ дня въ этомъ уютномъ коттэджѣ на Темзѣ. Проводили цѣлые дни вмѣстѣ, катаясь на лодкѣ и устраивая на берегу пикники[1]) — настоящая идиллія..." „Но увы затѣмъ я долженъ былъ отправиться въ Виндзоръ. Впрочемъ не могу пожаловаться, — бабушка

[1]) „Все утро сидѣлъ съ моей Аликсъ въ саду на старой дорожкѣ подъ каштанами; она работала, а я ей читалъ „Matelot" Loti". (Дневникъ. 10 іюня).

была очень любезна и даже разрѣшила намъ выѣзжать вмѣстѣ, безъ всякихъ компаньоновъ. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ этого". Принцесса была въ восторгѣ, называла жениха „безцѣнный Ники" и на чистыхъ страницахъ его дневника или выписывала любимыя изреченія, или краткой записью выражала свои чувства[1]).

Въ теченіе мѣсяца они съ королевой часто выѣзжали, посѣщая родныхъ, присутствуя на смотрахъ; участвовали на торжественныхъ пріемахъ, слушали музыку, — жили большой жизнью англійскаго Двора; правда, стояло лѣто, исключительно жаркое, грозовое лѣто; дачная дворцовая жизнь, — но все же невѣстѣ и жениху здѣсь приходилось долго бывать среди многочисленныхъ родственниковъ четырехъ поколѣній и мало вдвоемъ. Каждый день принцесса Алиса спѣшила въ полдень на урокъ - бесѣду къ протопресвитеру І. Янышеву.

Послѣдніе дни этого незабываемаго мѣсяца они провели съ королевой въ Осборнѣ на о. Уайтъ, у котораго стояла „Полярная Звѣзда". Посѣтивъ ее дважды, принцесса Алиса какъ бы побывала въ гостяхъ у Цесаревича, на русской землѣ.

Наконецъ, 11 іюля, грустный день разлуки, невѣста и женихъ хотѣли растянуть подольше: рано встали, были все вмѣстѣ, снимались, побывали

---

[1]) „Есть нѣчто чудесное въ любви двухъ душъ, которыя во-едино сливаются и которыя ни единой мысли другъ отъ друга не таятъ; радость и страданія, счастье и нужду переживаютъ онѣ вмѣстѣ и отъ перваго поцѣлуя до послѣдняго вздоха онѣ о любви лишь поютъ другъ другу".

„Мой безцѣнный, да благословитъ и хранитъ тебя Господь! Никогда не забывай ту, чьи самыя горячія желанія и молитвы — сдѣлать тебя счастливымъ".

„Истинная любовь — даръ Божій — съ каждымъ днемъ все сильнѣе, глубже, полнѣе и чище".

„Почему я не могу на этомъ чистомъ листѣ написать одно слово — счастье!"

„Страдай, терпи, спасайся, воздерживайся, прощай, но люби всегда".

„Кто не въ силахъ любить, тотъ не умѣетъ жить по человѣчески".

въ магазинахъ городка, выѣзжали на рейдъ; „дѣлалось все грустнѣе по мѣрѣ приближенія часа разлуки“; послѣ чая катались въ послѣдній разъ съ королевой; обѣдали около 9 ч.; послѣднее прощаніе съ родными. Невѣста проводила Цесаревича на пристань; когда же онъ очутился на „Полярной Звѣздѣ“, тамъ ждало тронувшее его до глубины души дивное, длинное письмо отъ принцессы Алисы.

БРАКОСОЧЕТАНІЕ

„Ту я люблю, за себя ее возьму!
Здравствуй, хозяинъ съ хозяюшкою!“
Изъ свадебной пѣсни.

Опять ежедневно шли письма. Въ сентябрѣ Наслѣдникъ на нѣсколько дней пріѣхалъ въ Дармштадтъ, но болѣзнь Отца заставила его отбыть въ Крымъ. У нея — продолжались уроки Закона Божьяго и русскаго языка; въ свободное время она много рукодѣльничала; а въ началѣ октября, когда о. І. Янышевъ уѣзжалъ въ Россію, она передала съ нимъ подарки Наслѣднику — вышитую подушку и записную книжку съ выписанными стихами.

Въ Крыму однако тучи сгущались: здоровье Государя рѣзко ухудшилось. 5-го октября, будучи у себя въ Дармштадтѣ, принцесса Алиса получила телеграмму, срочно вызывавшую ее въ Крымъ[1]); зная

---

[1]) „Отъѣздъ произошелъ поспѣшно. Со слезами на глазахъ и держа въ дрожащихъ рукахъ поднесенныя ей бумаги, Принцесса направилась къ своему вагону. Въ Берлинѣ ее проводилъ Им. Вильгельмъ II“.

Нѣмецкія газеты писали: „Она изволила получить всестороннее и прекрасное образованіе. Отличительной чертой ея характера является милосердіе къ страждущимъ и благотвореніе. Она очень любитъ читать, преимущественно путешествія и историческія сочиненія. Съ русскимъ языкомъ она успѣла познакомиться настолько, что передъ отъѣздомъ изъ Дармштадта довольно хорошо владѣла имъ“.

обстановку, она быстро собралась въ дальнюю дорогу и выѣхала. 8-го на границѣ Россіи, въ Александровѣ[1]), ее встрѣтила сестра, Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна; отсюда принцесса послала Наслѣднику длинную телеграмму, въ которой сообщала ему, что по пріѣздѣ она желала бы миропомазаться, т. е. съ перваго шага въ Россіи она хочетъ стать русской по вѣрѣ. 10 октября она прибыла въ Симферополь, откуда въ открытомъ придворномъ экипажѣ, по пути, усыпанному цвѣтами, она прослѣдовала въ Алушту, гдѣ ее ждалъ Наслѣдникъ; послѣ завтрака они, среди восторженныхъ привѣтствій мѣстнаго населенія, выѣхали въ Ливадію. „Боже мой!“ записалъ въ дневникѣ Наслѣдникъ: „какая радость встрѣтиться съ ней на родинѣ и имѣть близко отъ себя — половина заботъ и скорби какъ будто спала съ плечъ“. Въ Ливадіи ихъ ждала торжественная встрѣча, съ почетнымъ карауломъ и музыкой. Императоръ Александръ III, узнавъ о пріѣздѣ невѣсты сына, несмотря на крайнюю слабость и недомоганіе, надѣлъ мундиръ, оказавъ ей уваженіе, и проявилъ къ ней большую ласку, о чемъ она вспоминала всю жизнь. Она расположилась съ сестрой въ свитскомъ домѣ; каждый день съ женихомъ совершала дальнія прогулки въ живописнѣйшія окрестности Ливадіи; въ Оріандѣ были на литургіи, которую служилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій; а въ свободные часы спѣ-

---

[1]) Здѣсь она получила телеграмму отъ Московскаго губернатора (на имя сестры): „Въ минуту вступленія Ея Великогерцогскаго Высочества на нашу родную русскую почву, Москва сердцемъ и мыслями, вмѣстѣ съ Вашимъ Им. Высочествомъ, встрѣчаетъ Вашу Августѣйшую Сестру. Горячія наши молитвы сопутствуютъ Вашимъ Высочествамъ туда, гдѣ нынѣ сосредоточены всѣ надежды и сердца Россіи“.

Принцесса отвѣтила: „Глубоко тронута, что Москва вспомнила обо мнѣ въ минуту вступленія моего на почву новой для меня, но уже давно дорогой Родины. Сестра и я отъ души благодаримъ древне-престольную столицу и не сомнѣваемся въ горячности ея молитвъ о здоровьѣ нашего возлюбленнаго Государя. Да поможетъ намъ Богъ. Алиса“.

шила закончить вышиваніе воздуховъ для Св. Даровъ ко дню перваго своего причастія.

Первыя впечатлѣнія ея отъ дворцовой жизни были неблагопріятны: ее какъ-то холодно встрѣтили при Дворѣ, особенно свитскія дамы; вниманіе всѣхъ было привлечено тогда къ постепенно умиравшему Императору, а ей было тяжело и одиноко; въ то же время ей крайне не по душѣ были въ такіе дни шумные обѣды, большое и часто равнодушное общество, не замиравшая придворная жизнь; ей было обидно, что придворные не хотѣли считаться въ должной мѣрѣ съ Наслѣдникомъ, и уже черезъ пять дней послѣ пріѣзда она сочла нужнымъ записать въ его дневникѣ: „Дорогой мальчикъ! Люблю тебя, о такъ нѣжно и глубоко. Будь стойкимъ и прикажи д-ру Лейдену и другому Г. приходить къ тебѣ ежедневно и сообщать, въ какомъ состояніи они его находятъ... Такимъ образомъ ты обо всемъ всегда будешь знать первымъ. Ты тогда сможешь помочь убѣдить его дѣлать то, что нужно .. Не позволяй другимъ быть первыми и обходить тебя. Ты любимый сынъ Отца, и тебя должны спрашивать и тебѣ говорить обо всемъ. Выяви твою личную волю и не позволяй другимъ забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!“

Императоръ Александръ III скончался 20 октября. Бѣдная принцесса Алиса дни своего личнаго счастья и первые шаги въ странѣ, гдѣ она призвана была стать Императрицей, должна была пережить въ скорбное время траура страны, когда умеръ великій русскій Царь, а ея женихъ возлагалъ на себя, молодого, неопытнаго, тяжелое бремя Монаршаго служенія. У нея не было предварительнаго стажа Цесаревны, когда бы она могла привыкнуть къ нравамъ, языку, вѣрованіямъ, обществу и Двору новой для нея родины. Это все она должна была воспріять молніеносно, предъ самымъ выходомъ на арену въ величавой и отвѣтственной роли Русской Императрицы. Она искала поэтому опоры. Она сама вспоминала, какъ въ этотъ страш-

ный день, обнимая Императрицу-мать, когда та отошла отъ кресла, на которомъ только что скончался Императоръ, молила Бога помочь ей сблизиться съ ней.

На слѣдующій день принцесса Алиса приняла православіе, о чемъ Государь записалъ въ дневникѣ: „И въ глубокой печали Господь даетъ намъ тихую и свѣтлую радость: въ 10 ч. въ присутствіи только семейства моя милая дорогая Аликсъ была миропомазана, и послѣ обѣдни мы причастились вмѣстѣ съ нею... Аликсъ поразительно хорошо и внятно прочла свои отвѣты и молитвы". Принцесса Алиса была наречена Александрой, въ честь Св. мученицы Царицы Александры, и получила титулъ Великой Княжны[1]). Вмѣстѣ съ этимъ вставалъ вопросъ о времени свадьбы, т. е. о бытіи Великой Княжны Александры Ѳеодоровны Императрицей.

Государь полагалъ, что это лучше совершить сейчасъ же, какъ бы связавъ непосредственно съ его вступленіемъ на престолъ. „Происходило броженіе умовъ, читаемъ въ дневникѣ Государя: по вопросу о томъ, гдѣ устроить мою свадьбу. Мама, нѣкоторые другіе и я находимъ, что всего лучше сдѣлать ее здѣсь спокойно, пока еще дорогой папа подъ крышей дома; а всѣ дяди противъ этого и говорятъ, что мнѣ слѣдуетъ жениться въ Питерѣ, послѣ похоронъ". Въ результатѣ рѣшено было свадьбу не откладывать, но совершить ее въ Петербургѣ послѣ похоронъ. 27 октября Вел. Кн. Александра Ѳеодоровна, въ глубокомъ траурѣ, вмѣстѣ со всей царской семьей шла за гробомъ Императора изъ Ливадіи до Ялты; затѣмъ перешли на „Память Меркурія" и на немъ слѣдовали до Севастополя, а оттуда въ особомъ поѣздѣ, пересаживаясь передъ большими остановками въ траурный

---

[1]) Манифестъ гласилъ: „Сегодня совершено Св. Миропомазаніе надъ нареченной Невѣстой нашей. Пріявъ имя Александры, она стала Дщерью Православной нашей Церкви, къ великому утѣшенію нашему и всей Россіи".

поѣздъ, паннхида за панихидой, подвигались по всей Россіи къ столицамъ. Войска, учебныя заведенія, тысячи народа созерцали величественную картину погребенія и впервые встрѣчали въ этой траурной рамкѣ прекрасную невѣсту молодого Императора.

„Такъ я въѣхала въ Россію, разсказывала потомъ она: Государь былъ слишкомъ поглощенъ событіями, чтобы удѣлить мнѣ много времени, и я холодѣла отъ робости, одиночества и непривычной обстановки". Все же одно утѣшеніе и поддержка — близость горячо любимаго ею человѣка; съ другой стороны, и Государь въ эти тяжелые дни находилъ, что „присутствіе въ поѣздѣ моей милой ненаглядной Аликсъ — громадное утѣшеніе и поддержка".

Судя по записямъ ея въ дневникѣ Государя въ эти дни, она, какъ истый другъ, крѣпила и одухотворяла его[1]).

Въ Петербургѣ она остановилась у сестры (Государь жилъ у матери въ Аничковомъ дворцѣ); ежедневно шли занятія по русскому языку. Съ Государемъ видѣлись урывками, обычно около 4 ч. дня или дневного чая. Шли обычныя предбрачныя бесѣды объ устройствѣ будущаго гнѣзда (въ нижнемъ этажѣ Аничкова дворца), выбирали мебель, обстановку. Всѣ эти дни шли панихиды, и только 7 ноября состоялось погребеніе Императора Александра III. А черезъ недѣлю, въ день рожденія Вдовствующей Государыни - Матери, въ церкви Зимняго дворца состоялось бракосочетаніе, котораго молодые такъ ждали, во имя котораго столько пе-

---

[1]) „Сперва твой долгъ, потомъ — покой и отдыхъ". „Твой долгъ исполняй — это лучше всего. Господу предоставь остальное". „Не бойся опасности. Господь всегда близъ тебя и охраняетъ тебя". „У тебя много тяжелыхъ обязанностей; да дастъ тебѣ Господь силъ нести и исполнять ихъ. Позволь той, которая, Господь дастъ, скоро станетъ твоей единственной женушкой, раздѣлять съ тобой всѣ радости и печали".

режили, и которое совпало съ такими печальными днями[1]).

„Свадьба наша, вспоминала потомъ Государыня, была какъ бы продолженіемъ этихъ панихидъ, только что меня одѣли въ бѣлое платье". Довольно подробно описываетъ бракосочетаніе въ своемъ дневникѣ Государь: „Я надѣлъ гусарскую форму и въ $11^1/_2$ поѣхалъ съ Мишей въ Зимній. По всему Невскому стояли войска для проѣзда Мама съ Аликсъ. Пока совершался ея туалетъ въ Малахитовой[2]), мы всѣ ждали въ Арабской комнатѣ. Въ 10 минутъ перваго начался выходъ въ Большую церковь, откуда я вернулся женатымъ человѣкомъ. Въ Малахитовой намъ поднесли громаднаго серебрянаго лебедя отъ семейства. Переодѣвшись, Аликсъ сѣла со мной въ карету съ русской упряжью съ форейторомъ, и мы поѣхали въ Казанскій соборъ. Народу на улицахъ была пропасть — едва могли проѣхать! По пріѣздѣ въ Аничковъ на дворѣ встрѣтилъ почетный караулъ л.-гв. Уланскаго полка. Мама ждала съ хлѣбомъ-солью въ нашихъ комнатахъ. Сидѣли весь вечеръ и отвѣчали на телеграммы..."

По воспоминаніямъ одной изъ фрейлинъ, Государыня въ этотъ день была безконечно грустна и блѣдна[3]); цѣльная натура она глубоко переживала эту сложную гамму ощущеній и чувствъ среди совершенно новой обстановки, въ которой она все

---

[1]) Манифестъ о свадьбѣ гласилъ: „Вѣруемъ со всѣмъ народомъ нашимъ, что душа возлюбленнаго Родителя Нашего въ селеніяхъ небесныхъ благословила избранную по сердцу Его и Нашему раздѣлить съ Нами вѣрующей и любящей душой непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣяніи Нашего Отечества".

[2]) На Августѣйшей Невѣстѣ было бѣлое серебряное платье съ брилліантовымъ ожерельемъ; на головѣ горѣла огнями брилліантовая сквозная корона. Сверхъ платья надѣта была золотая, парчевая, подложенная горностаевымъ мѣхомъ, мантія съ длиннымъ шлейфомъ.

[3]) Государь отмѣчаетъ у Нея сильную головную боль въ этотъ день.

же была прежде всего сиротой, хотя съѣхалась вся семья. „Отнынѣ нѣтъ больше разлуки, записала она въ дневникѣ Государя: наконецъ мы соединены, скованы для совмѣстной жизни, и когда здѣшней жизни придетъ конецъ, мы встрѣтимся опять на другомъ свѣтѣ, чтобы быть вѣчно вмѣстѣ. Твоя, твоя..."

На слѣдующій день молодожены почувствовали себя радостнѣе, проще, уютнѣе; они принимали всѣхъ родственниковъ, начиная съ Вдовствующей Императрицы, у себя; показывали новую отдѣлку комнатъ; получили много свадебныхъ подарковъ и безчисленное количество телеграммъ и поздравленій, на которыя вмѣстѣ отвѣчали.

МОЛОДАЯ ИМПЕРАТРИЦА

Въ теченіе года при Дворѣ былъ глубокій трауръ, т. е. замерла пышная жизнь блистательнаго Россійскаго Двора — торжественные выходы, пріемы, балы, спектакли, выѣзды въ театръ; это сосредоточивало жизнь молодоженовъ, Государя и Государыни, въ почти замкнутый кругъ ихъ личныхъ отношеній, будто частной брачной пары, ближайшихъ родственниковъ, уюта квартиры, тихихъ вечеровъ, прогулокъ вдвоемъ, выѣздовъ; это сближало ихъ еще больше; ковался фундаментъ дружной, сплоченной, крѣпкой семьи.

Первые дни, обычно около 3 часовъ, они выѣзжали кататься, чаще всего по Невскому въ Зимній дворецъ, гдѣ устраивалась для нихъ квартира; выбирали для нея образцы мебели и матерій. Начиналась зима; выпалъ снѣгъ. Государь задумалъ первый выѣздъ въ свое любимое „милое“ Царское Село, ставшее затѣмъ такимъ роднымъ Царской семьѣ, — чтобы остаться однимъ, оторваться на нѣсколько дней отъ оффиціальной жизни Двора, пріемовъ и дѣлъ. Царское Село и царскоселы встрѣтили Молодыхъ съ великимъ радушіемъ; они проѣхали въ Александровскій дворецъ и прожили тамъ одиноко и беззаботно шесть дней, иногда выѣзжая въ окрестности, въ Павловскъ. „Словами не описать, говорилъ Государь: что за блаженство

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА
(въ первые годы царствованія)

жизнь вдвоемъ въ такомъ хорошемъ мѣстѣ, какъ Царское“[1]).

Такіе выѣзды въ Царское Село они повторили дважды въ декабрѣ, а остальное время жили пока въ Аничковомъ дворцѣ. Государыня усердно занималась русскимъ языкомъ; 3 декабря она самостоятельно вписала въ дневникъ Государя по-русски: „Я сегодня хорошо училась, и Шнейдерлейнъ мною довольна“, а затѣмъ тутъ же выдержку изъ Лермонтова: „Когда росой обрызганный душистой“... Въ свободные часы катались съ Государемъ на саняхъ, на конькахъ, играли въ четыре руки на роялѣ, много читали. Въ Сочельникъ зажглись елки. А въ послѣдній день этого знаменательнаго въ жизни молодой Государыни года въ дневникѣ Государя двѣ записи: его — „Вмѣстѣ съ такимъ непоправимымъ горемъ Господь наградилъ меня также и счастьемъ, о какомъ я не могъ даже мечтать — давъ мнѣ Аликсъ“; ея — „Послѣдній день стараго года — какое счастье провести его вмѣстѣ. Моя любовь выросла такой глубокой, сильной и чистой — она не знаетъ предѣла. Да благословитъ и хранитъ тебя Господь!“

Этой тихой, замкнутой жизни молодоженовъ такъ гармонировали вновь процитированныя строки изъ Лермонтова:

„Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой...“

---

[1]) За эти дни читаемъ такія записи Государя въ дневникѣ: „Каждый день, что проходитъ, я благословляю Господа и благодарю Его отъ глубины души за то счастье, какимъ Онъ меня наградилъ! Большаго и лучшаго благополучія на этой землѣ человѣкъ не въ правѣ желать. Моя любовь и почитаніе къ дорогой Аликсъ растетъ постоянно“...

„Блаженство мое безпредѣльное — очень грустно покинуть Царское, которое стало намъ обоимъ такимъ дорогимъ мѣстомъ; въ первый разъ послѣ свадьбы оставались одни и жили дѣйствительно душа въ душу“...

Оригинальнымъ въ новой, русской жизни Государыни было первое празднованіе дня ея именинъ (23 апрѣля); наканунѣ, какъ было принято въ царской семьѣ, она получила подарки отъ Государя; а въ день именинъ, послѣ кофе, принимала всѣхъ садовниковъ, съ фруктами и цвѣтами; большая депутація отъ людей Двора поднесла икону (камеръ-фурьеръ Герасимовъ сказалъ очень трогательное привѣтствіе); затѣмъ поѣхали къ обѣднѣ, послѣ которой въ залѣ Александровскаго дворца состоялся фамильный завтракъ.

Лѣто провели въ Петергофѣ, а съ осени переѣхали въ Царское Село, гдѣ 3 ноября 1895 г. родилась первая дочь Ольга, славный крупный ребенокъ, вызвавшій новыя заботы, давшій новыя радости.

По всему складу своей натуры, полученному воспитанію и личнымъ склонностямъ Императрица готова была уйти исключительно въ жизнь зарождающейся семьи и отдать ей все свое вниманіе, любовь и силы.

Но какъ разъ въ это время былъ снятъ годичный трауръ по почившемъ Императорѣ, и возродившаяся жизнь большого Двора звала и обязывала молодую Императрицу, блиставшую красотой, къ широкой свѣтской жизни, ея радостямъ, блеску, пышности, разнообразію. Начался блистательный зимній петербургскій сезонъ съ торжественными пріемами, балами, спектаклями, со всей сложностью взаимоотношеній, и Императрица Александра Ѳеодоровна впервые переживала его.

Съ очень хорошими настроеніями въ новыхъ помѣщеніяхъ Зимняго дворца встрѣтила Царская Семья новый 1896 годъ. Въ 11 ч. начался высочайшій выходъ, въ которомъ Государыня шла вмѣстѣ съ Государемъ за первыми чинами Двора; она была въ бѣломъ открытомъ атласномъ русскомъ платьѣ со шлейфомъ, которое она умѣла такъ величественно носить. „Въ первый разъ, записалъ Государь, продѣлали вдвоемъ церемонію новогодняго выхода.

Слава Богу, Аликсъ выстояла молодцомъ и обѣдню, и пріемъ дипломатовъ, и „безменъ“ не только дамъ, но и Госуд. Сов., Сената, двора и свиты!“

Затѣмъ почти ежедневно Ихъ Величества посѣщаютъ наши превосходные императорскіе театры[1]), художественныя выставки, а 11-го состоялся въ Зимнемъ дворцѣ первый большой балъ въ Николаевскомъ залѣ, приблизительно на 3500 приглашенныхъ. Зрѣлище было феерическое. Торжественный моментъ наступилъ, когда Ихъ Величества выходили изъ Малахитоваго зала. Оркестръ играетъ полонезъ; церемоніймейстеръ трижды ударяетъ своимъ жезломъ; арапы раскрываютъ двери зала, и всѣ склоняются. Молодая Императрица, передаютъ очевидцы, была очень хороша собой; она очень любила крупный жемчугъ, и длинныя колье украшали ея великолѣпный нарядъ. Она шла во второй парѣ или со старшиной дипломатическаго корпуса, или съ однимъ изъ великихъ князей. Танцовала она только контръ-дансы, приглашая кого-либо изъ посланниковъ. Послѣ мазурки (во время которой Государыня стоитъ около портрета Николая I и разговариваетъ со своимъ кавалеромъ, важнымъ, но не очень старымъ офицеромъ гвардіи) Ихъ Величества переходятъ въ залъ, гдѣ приготовленъ ужинъ. Во время котильона Ихъ Величества удаляются во внутреннія аппартаменты.

Послѣ ранней Пасхи, 15 апрѣля, состоялся вновь возрожденный въ царствованіе Императора Николая II очень эффектный „Майскій парадъ“, на Марсовомъ полѣ, на который Государыня выѣхала

---

[1]) 4-го января. Отправились въ первый разъ въ театръ — шла чудная „Пиковая дама“, которая чрезвычайно понравилась Аликсъ.

6-го января. Послѣ обѣда отправились во французскій театръ.

7-го января. ... Балетъ Чайковскаго „Лебединое озеро“.

8-го января. Видѣли опять „Пиковую даму“.

9-го января. На бенефисъ Савиной. Шла отличная и занимательная пьеса „Генеральша Матрена“.

въ открытой коляскѣ съ двумя Великими Княгинями. Прекрасная погода, красота гвардейской кавалеріи въ парадной формѣ, стройныя линіи войскъ, церемоніальный маршъ и блестящая атака 10 полковъ конницы — представляли необычайно бодрую, гармоничную картину.

Предстояло въ жизни молодой Императрицы наиболѣе знаменательное и глубокое по своему значенію событіе — коронація, о которой Россія была оповѣщена еще новогоднимъ манифестомъ[1]).

6 мая Ихъ Величества прибыли въ Петровскій дворецъ подъ Москвой; на слѣдующій день состоялся объѣздъ войскъ и заря съ церемоніей; 8 мая они выслушали серенаду, въ исполненіи которой участвовало 1200 человѣкъ и 300 инструментовъ, а 9-го — торжественный въѣздъ въ Москву, посѣщеніе кремлевскихъ соборовъ. Въ очень пышной обстановкѣ Государыня въ парадной золоченой каретѣ[2]) ѣхала за каретой Вдовствующей Императрицы.

Послѣ пріема чрезвычайныхъ пословъ, со слѣдующаго дня Ихъ Величества приступили къ говѣнію. Въ это время Москва, блистательно разукрашенная, переполненная народомъ, делегаціями,

---

[1]) „При помощи Божьей, вознамѣриваясь въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей Предковъ нашихъ, возложить на себя корону и воспріять, по установленному чину, Святое миропомазаніе, пріобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну..."

[2]) Церемоніалъ: „Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна въ парадной золоченой каретѣ. Карета запряжена 8 лошадьми; у каждой лошади по конюшенному служителю; подлѣ кареты съ правой стороны шталмейстеръ, управляющій придворной конюшенной частью; съ лѣвой — шталмейстеръ верхомъ, а передъ каретой — конюшенный офицеръ, также верхомъ; на ремняхъ — два пажа; по сторонамъ кареты идутъ четыре камеръ-казака, въ парадной одеждѣ, по два съ каждой стороны, позади кареты шесть камеръ-пажей, верхомъ, а за ними 2 конюха, верхомъ же".

иностранными и со всѣхъ концовъ Россіи, ликовала и ждала своего праздника.

14 мая состоялся высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ, гдѣ состоялся чинъ коронованія. Его центральная часть такъ передана въ церемоніалѣ: „Его Величество, принявъ въ правую руку Скипетръ, а въ лѣвую Державу, возсядетъ на престолъ и вскорѣ затѣмъ, положивъ обѣ Регаліи на подушки, поданныя несшими ихъ сановниками, изволитъ призвать къ себѣ Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну[1]). Ея Величество, подойдя къ Государю Императору, станетъ передъ Августѣйшимъ Супругомъ своимъ на колѣни на малиновую бархатную подушку, положенную однимъ изъ сопровождавшихъ Ея Величество Ассистентовъ (Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи), а Монархъ, снявъ съ себя корону, прикасается оною къ Главѣ Императрицы и снова на себя возложитъ. Затѣмъ поднесена будетъ Государю Императору малая корона. Его Величество возложитъ ее на Главу Государыни, а четыре статсъ-дамы оную оправятъ. Засимъ поднесется Его Величеству, для возложенія на Государыню, порфира и цѣпь ордена Св. Ап. Андрея Первозваннаго; тѣ же четыре статсъ дамы регаліи сіи оправятъ.

Тогда Государыня Императрица изволитъ встать (когда Государыня поднялась, Государь ее поцѣловалъ) и возвратиться къ своему престолу (справа отъ Государя). Возглашается многолѣтіе; пѣніе сопровождается звономъ во всѣ колокола и 101 пушечнымъ выстрѣломъ. Послѣ миропомазанія Государя митрополитъ помажетъ св. миромъ только на челѣ Ея Величества, произнося: „Печать дара Духа Святого“.

Супруга Наслѣдника румынскаго престола, принцесса Марія, присутствовавшая на торжествѣ, такъ передавала свои впечатлѣнія: „ Я ясно вижу

---

[1]) Государыня была въ бѣломъ платьѣ, вышитомъ серебромъ и жемчугомъ. Корона унизана 2000 брилліантовъ.

царицу Александру, стоящую прямо во всемъ своемъ блескѣ, рядомъ съ Императоромъ, въ коронаціонномъ каѳедральномъ соборѣ. Все блестѣло въ блескѣ золота, даже самъ воздухъ вокругъ этой дивной собравшейся толпы, которая пришла поклониться и поклясться на вѣрность самой молодой державной четѣ въ Европѣ. Царица была въ сплошномъ золотѣ. Взгляды всѣхъ присутствующихъ были обращены на нее. Красивая женщина всегда привлекаетъ къ себѣ больше вниманія, а тѣмъ болѣе красавица, которую окружаетъ волшебство мощи и царскаго величія... Нѣжнымъ пламенемъ свѣтились ея щеки, а губы ея были сжаты; ея взглядъ какъ будто блуждалъ въ таинственныхъ даляхъ и будто не замѣчалъ того, что совершается вокругъ; казалось, что въ этотъ великій моментъ она не ощущала ни радости, ни гордости".

Трудно было по внѣшнимъ впечатлѣніямъ прочесть всю глубину молитвенныхъ настроеній Императрицы, которая, какъ истово-религіозный человѣкъ, молилась въ этотъ великій часъ „душой и сердцемъ", какъ говорила она, „за тебя и за нашу любимую страну".

Вечерняя иллюминація Москвы представляла собой, по словамъ восторженныхъ очевидцевъ, „что-то сказочное, феерическое, небывалое на землѣ".

Двѣнадцать дней шли затѣмъ празднества, омраченныя Ходынской катастрофой. Въ этотъ день Государыня должна была появиться съ Государемъ на торжественномъ пріемѣ въ союзномъ французскомъ посольствѣ. „Одинъ Богъ знаетъ, свидѣтельствуетъ румынская принцесса Марія въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ Государыня хотѣла остаться дома, чтобы молить Бога о упокоеніи душъ погибшихъ въ этой катастрофѣ..."

Послѣ коронаціонныхъ торжествъ Царская чета вознамѣрилась какъ бы отдать визиты тѣмъ главамъ государствъ Западной Европы, которые проявили дружескія чувства во время торжествъ. Но прежде всего Ихъ Величества хотѣли побывать

въ глубинѣ Россіи, среди своего народа. Для этого мѣстомъ была избрана открывшаяся тѣмъ лѣтомъ Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ молодую Царскую чету восторженно принимали 17-19 іюля.

13 августа Ихъ Величества изъ Петергофа отбыли въ Вѣну, къ старѣйшему изъ европейскихъ монарховъ. Послѣ двухдневнаго очень торжественнаго пріема, во время котораго Государыня появлялась въ свѣтлыхъ, радостныхъ туалетахъ, Ихъ Величества вернулись въ Кіевъ, на освященіе Кіевскаго Владимірскаго собора, гдѣ Ея Величество такъ интересовалась церковной живописью, бесѣдуя съ Васнецовымъ и Нестеровымъ.

Затѣмъ — Бреславль, въ гостяхъ у Им. Вильгельма II; Киль — смотръ германскаго флота; Копенгагенъ — среди родственниковъ Вдовствующей Императрицы; на яхтѣ „Штандартъ“ въ Англію, у береговъ которой въ необычайно праздничной и яркой картинѣ ихъ встрѣтилъ англійскій флотъ. Нѣсколько дней въ гостяхъ у „бабушки“, королевы Викторіи въ Бальморалѣ, а затѣмъ черезъ Шербургъ въ Парижъ.

Въ союзную Францію Царская чета ѣхала со своей десятимѣсячной дочкой Вел. Кн. Ольгой Николаевной, и это придавало визиту характеръ особенной нѣжности и задушевности. Это поняла Франція, и въ Парижѣ Ихъ Величествъ ждалъ исключительный по пышности и сердечности пріемъ, оставившій воспоминанія до нашихъ дней.

На обѣдѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ Государыня была въ роскошномъ туалетѣ голубого цвѣта, президентъ Ф. Форъ въ своей рѣчи между прочимъ сказалъ: „Да будетъ мнѣ позволено присовокупить, какъ Франція была тронута готовностью, съ которой Ея Величество Императрица соблаговолила къ намъ пожаловать. Ея милостивое пребываніе оставитъ въ нашей странѣ неизгладимое воспоминаніе“...

Стояла великолѣпная осенняя погода; населе-

ніе Парижа удвоилось; нельзя было себѣ представить, говорили парижане, ничего болѣе трогательнаго и болѣе величественнаго этого волшебнаго пріема. Всюду, гдѣ въ колескѣ, на рукахъ у няни, появлялась Вел. Кн. Ольга Николаевна, раздавались восторженныя привѣтствія, такъ радовавшія сердце Матери.

25 сентября состоялась закладка моста Им. Александра III. Во время этой церемоніи отъ лѣваго берега Сены отчалила бѣлая барка, на кормѣ которой группа прелестныхъ представительницъ Парижа везла драгоцѣнную гигантскую вазу съ цвѣтами — подарокъ отъ французскихъ дамъ Царицѣ. Во время поднесенія Государыня говорила съ каждой изъ дѣвушекъ, которыя цѣловали ей руку. Послѣ грандіознаго смотра войскъ въ Шалонскомъ лагерѣ, президентъ во время завтрака сказалъ: „Какъ улыбка счастливаго предзнаменованія, обаяніе пребыванія Ея Величества Императрицы не изгладится изъ французскихъ сердецъ. Въ Парижѣ Ваши Величества были встрѣчены ликованіями всей націи; въ Шербургѣ и въ Шалони васъ встрѣтило то, что болѣе всего дорого сердцу Франціи — ея армія и флотъ".

Оставалось еще побывать въ родныхъ Государынѣ мѣстахъ: Царская Семья отбыла въ Дармштадтъ. Во время въѣзда въ этотъ городъ, гдѣ въ скромной обстановкѣ протекло дѣтство Государыни, ее, Императрицу Всероссійскую, только что съ такимъ почетомъ и блескомъ встрѣченную Европой, привѣтствовалъ трогательно оберъ-бургомистръ: „Послѣ двухлѣтняго отсутствія Ваше Величество вступаете нынѣ впервые въ свой родной городъ вмѣстѣ съ Августѣйшимъ супругомъ, котораго украшаютъ личныя достоинства болѣе, нежели пурпуръ. Благопожеланія всего Гессена и нашего города и сочувственная вѣрность, проводившая высокопочитаемую, покидавшую насъ принцессу, остались прежними, и радостно привѣтствуемъ мы сегодня Ее, возвращающуюся къ намъ Августѣйшей

Императрицей и сіяющей радостью Матерью. И мы восклицаемъ: Ея Величеству Императрицѣ Россійской Александрѣ, возлюбленной сестрѣ великаго герцога — „hoch“!“

Во время этой поѣздки по Европѣ Государыня пользовалась всѣми возможностями, чтобы осмотрѣть соборы, музеи, картинныя галлереи.

Молодая Императрица, сіяющая красотой, державшаяся съ большимъ достоинствомъ, вызывала общіе восторги. Съ другой стороны, эта поѣздка показала ей благоговѣніе государствъ Европы передъ величіемъ и силой ея новой родины.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА И ГОСУДАРЬ

„Пусть всемогущій Богъ поможетъ мнѣ быть достойной твоей помощницей, мое милое сокровище, мое солнце, отецъ моего солнечнаго луча“ (апрѣль 1915 г.).

Нѣжный и трогательный романъ двухъ глубоко любящихъ людей обратился съ годами въ неразрывный родственный союзъ, прочно спаянный самымъ живымъ чувствомъ любви, которая съ годами все крѣпла, дѣлалась содержательнѣе и глубже[1]). Ихъ переписка, непосредственная и искренняя, вскрываетъ всю силу этого чувства. „Боже мой“, писала Государыня въ мартѣ 1916 года: „сколько мы видѣли и пережили за эти двадцать одинъ съ половиною годъ нашей брачной жизни... ахъ, какія были чудныя времена, мой голубчикъ, любовь твоего солнышка всегда растетъ, становится полнѣе, богаче и глубже“... „Богъ да благословитъ тебя, мой единственный, мое все... Воистину я сомнѣваюсь, чтобы существовали счастливыя

[1]) „Вотъ уже полгода, что мы женаты. Ты не можешь себѣ представить, какой безконечно счастливой сдѣлалъ ты свою жену! Да хранитъ тебя Господь, мой единственный любимый супругъ — съ каждымъ днемъ чище, крѣпче, глубже!“ — запись Государыни.

жены, какъ я, — такая любовь, такое довѣріе, такая преданность, которую ты показалъ мнѣ въ теченіе этихъ долгихъ годовъ, знавшихъ счастье и горе. Всѣ муки, страданія и нерѣшительность стоили того, что я тебя получила, мой дорогой женихъ и мужъ. Въ нынѣшнія времена рѣдко видишь такіе браки... Ты — моя жизнь, мой свѣтъ"... „Моя глубочайшая горячая непрестанная любовь окружаетъ тебя и — всѣ мои горячія пылающія молитвы; сердцемъ и душой мы навсегда соединены на всю вѣчность. Мой родной, моя жизнь, мое сокровище!"

Наканунѣ дня рожденія она искренно пишетъ мужу: „Любимый мой, мнѣ не нужно подарка. Твоя любовь для меня больше, чѣмъ все, что ты могъ бы мнѣ подарить".

Рисуя всю глубину своего чувства, всѣ разнообразные оттѣнки его, она дѣлится съ Государемъ въ одномъ изъ писемъ очень интереснымъ наблюденіемъ, много объясняющимъ полноту ея личной любви къ Государю: „Каждая женщина имѣетъ въ себѣ также материнское чувство по отношенію къ человѣку, котораго она любитъ, это ея природа, которая сказывается, когда она въ самомъ дѣлѣ глубоко любитъ".

Эта сердечная, все нараставшая, заботливая и все крѣпчавшая съ годами любовь была большимъ утѣшеніемъ и поддержкой не только для Государя, но и для всей одинокой, но единой духомъ Царской Семьи; много разъ въ ихъ ежедневныхъ письмахъ встрѣчаются фразы: „Когда на сердцѣ тяжело отъ заботъ и тревогъ, каждое проявленіе нѣжности даетъ силу и безконечное счастье. Ахъ, если бы дѣти наши могли бы также быть счастливы въ своей супружеской жизни!" И была эта любовь открытой, сліяніемъ душъ, ихъ обнаженіемъ, какъ говоритъ поэтъ:

„Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена".

Государыня въ дни говѣнія писала Мужу: „Нѣжно прошу твоего прощенія за всякое слово и дѣло, которое могло огорчить тебя или причинить боль... Я несу тебя въ своей душѣ и всей моей любовью приношу тебя Богу".

Государь былъ для Императрицы любимымъ ею человѣкомъ, мужемъ, отцомъ ея дѣтей. Но она всегда видѣла въ немъ Императора, Помазанника Божія, самодержавнаго Государя. Исполненныя волнующаго величія религіозныя воззрѣнія Государыни утверждали ея убѣжденіе о незыблемости самодержавной власти въ Россіи, и она эти взгляды на монарха открыто и съ большой настойчивостью защищала до конца. Она всѣми силами оберегала его державный трудъ и никогда, въ первые годы, не вмѣшивалась въ него, не интересовалась, не совѣтовала. Она жила исключительно семьей, и даже обиходъ Двора ее интересовалъ мало. По вѣрному наблюденію генерала Мосолова, „Ея Величество проявляла въ то время ревность только къ тому, что могло отдалять ее отъ Мужа; она понимала, что Государю нужно работать, и не только не мѣшала ему, а, напротивъ, скорѣе подталкивала Мужа[1]). Она понимала одиночество утреннихъ прогулокъ Царя, во время которыхъ онъ обдумывалъ свои рѣшенія. Но все, что за работу не считала, напримѣръ, пріемы, разговоры съ посторонними людьми — недолюбливала, какъ отнимающее у Государя время, которое они могли проводить вдвоемъ. Особенно соблюдались часы вечерняго чтенія. Трудно представить себѣ что-либо, что бы могло заставить Государыню согласиться отказаться, хотя бы на одинъ вечеръ, отъ этихъ чтеній, съ глазу на глазъ, у камина". Это была естественная защита правъ семьи, т. е. своихъ и мужа, на законный отдыхъ, необходимый въ каждой работѣ,

---

[1]) „Желаю тебѣ счастливой Пасхи, мира въ душѣ и сердцѣ, силъ для всей твоей работы, успѣха"... писала Государыня весной 1916 года.

особенно въ работѣ Государя, которая, казалось, не знала границъ („Я работаю за троихъ", сказалъ однажды скромно Государь).

Осенью 1900 года Государь, будучи въ Крыму, заболѣлъ брюшнымъ тифомъ; это было его (человѣка очень здороваго) единственное, но очень тяжелое заболѣваніе, и оно напугало всѣхъ. Совершенно естественно, что прежде всего и больше всѣхъ это встревожило Государыню, которая неотступно ухаживала за мужемъ, и она впервые здѣсь вмѣшалась въ его государственную работу тѣмъ, что не допускала къ нему не только тѣхъ, кто хотѣлъ его видѣть, но и тѣхъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ переговорить, начиная съ Министра Двора.

Но вѣдь она берегла покой, а, можетъ быть, и жизнь не только мужа, но и Государя.

Справедливо замѣтилъ одинъ изъ безпристрастныхъ и благородныхъ изслѣдователей ея переписки: „Пока дѣла шли болѣе или менѣе благополучно, у Императрицы не было основаній для вмѣшательства въ дѣла правленія; она была поглощена семейной жизнью. Дать жизнь четыремъ дочерямъ дѣло не легкое. Затѣмъ появился на свѣтъ давно желанный Наслѣдникъ. Вскорѣ оказалось, что онъ боленъ ужасной болѣзнью. Уходъ за больнымъ поглощаетъ всѣ ея силы, духовныя и тѣлесныя. Однако, замкнуться въ сферѣ тѣсныхъ семейныхъ интересовъ ей не удалось. Началась „осада властей" революціонерами и общественностью. Положеніе ея державнаго супруга дѣлалось все болѣе труднымъ и сложнымъ. Чувствовалась опасность для самой Царской Семьи, для династіи. Могла ли Императрица смотрѣть на это равнодушнымъ взоромъ? Вѣдь это становилось уже дѣломъ ея семьи, любимаго мужа, обожаемаго сына... Какая женщина, какая жена, какая мать осталась бы равнодушной? Рядомъ съ смертельной опасностью для семьи она видѣла разверзающуюся передъ ея Родиной — новой для нея, но воспринятой всѣмъ сердцемъ — пропасть. Кто же не осудилъ бы ее, если бы она

не попыталась сдѣлать все, что было въ ея силахъ, чтобы спасти мужа, семью, династію и родину?"

„Я только женщина", пишетъ Государыня въ ноябрѣ 1916 года, „которая борется за своего господина и за ребенка, за два драгоцѣннѣйшія существа на свѣтѣ — и Богъ поможетъ мнѣ быть твоимъ ангеломъ хранителемъ".

И она боролась, какъ могла, не только будучи на тронѣ, но и въ бѣдѣ, въ изгнаніи, въ Тобольскѣ. „Страданія меня угнетаютъ и также вѣчная забота и тревога съ тѣхъ поръ, какъ началась война... Мы пройдемъ черезъ это тяжелое время. Это будетъ трудный бой... маленькое Солнышко стоитъ за тобой, какъ скала, твердо и непоколебимо, съ рѣшимостью, вѣрой, любовью, чтобы бороться за своихъ милыхъ и за свою Родину" — вотъ мысли и рѣшимость Государыни.

Въ этой борьбѣ она полагалась прежде всего на вѣру въ Бога: „Непрестанно молюсь, чтобы Богъ услышалъ наши молитвы и послалъ утѣшеніе, силу, успѣхъ, побѣду, миръ, миръ въ всѣхъ смыслахъ..."

И ей хотѣлось стать Государю истой помощницей: „Если бы я только могла больше тебѣ помочь, я такъ усердно молюсь, чтобы Богъ далъ мнѣ мудрость и разумѣніе, чтобы быть тебѣ настоящей помощницей во всѣхъ отношеніяхъ..."

Со свойственнымъ ей темпераментомъ она выходитъ на борьбу: „Душа горитъ, но духъ бодръ, и я борюсь за тебя и за Беби... Меня потому ненавидятъ, что чувствуютъ, что я стою за твое дѣло, за Беби и за Россію".

„Да, я болѣе русская, чѣмъ многіе другіе, и я не останусь спокойной... Вопросъ идетъ о монархіи и о твоемъ престижѣ, который не долженъ быть подорванъ"... „Я борюсь за твое царствованіе и за будущее Беби... Вмѣстѣ съ пламенемъ свѣчей мои молитвы подымаются за тебя, горя яркимъ свѣтомъ. Все, что можетъ пожелать тебѣ преданное, безгранично любящее сердце — все это желаетъ тебѣ

твое Солнышко. Силу, твердость, непоколебимую рѣшительность, миръ, тишину, успѣхъ, яркое солнце — отдыхъ и счастье, наконецъ, послѣ твоей тяжелой, очень тяжелой борьбы... Будь твердъ, я твоя стѣна, стою за тобой и не уступлю. Я знаю, что я могу тебѣ сдѣлать больно тѣмъ, что я пишу, и это мнѣ самой больно и грустно — но ты, Беби и Россія мнѣ слишкомъ дороги... Я вполнѣ увѣрена, что великія и прекрасныя времена наступаютъ для твоего царствованія и для Россіи. Только поддерживай свой духъ... покажи всѣмъ, что ты хозяинъ, и твоей волѣ должны будутъ повиноваться... Теперь наступаетъ царствованіе воли и власти".

Вотъ выдержки изъ ея писемъ Государю — это ея думы, ея желанія, дѣла и борьба, почти непосильныя для женщины, но на которыя она была призвана, какъ жена, мать и Императрица, все болѣе одинокая, все болѣе нападаемая, сурово страдавшая за самое въ мірѣ дорогое и любимое — за сына, Государя и Россію.

ГОСУДАРЫНЯ — МАТЬ

„Боже мой, какъ много мы прожили вмѣстѣ въ эти годы — вездѣ тяжкія испытанія, но дома, въ нашемъ гнѣздѣ, яркое солнце".

Письмо Государыни (апрѣль 1915 г.).

Широкая семья Государя — Императорская фамилія — не была съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной въ особенно близкихъ отношеніяхъ, кромѣ Августѣйшихъ сестры Государыни и сестеръ и брата Государя[1]).

Добрыя отношенія между Государыней и Императрицей Матерью сложились еще въ бытность ея невѣстой, когда Императрица Марія Ѳеодоровна съ первыхъ же дней просила называть ее матерью (Государыня ее называла: мама, мамаша, mother dear), но она жила отдѣльно отъ молодой четы, имѣла свой Дворъ, сохранила свой привычный образъ жизни, а Государь, тотчасъ посла вступленія на престолъ и бракосочетанія, предоставилъ Матери

---

[1]) Ближе другихъ Государынѣ были Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, проявившая исключительное вниманіе къ Царской Семьѣ особенно въ дни революціи; Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, рыцарски и благоговѣйно любившій молодую Императорскую чету; Великіе Князья Павелъ Александровичъ, Дмитрій Павловичъ (до конца 1916 г.) и Георгій Михайловичъ.

первое мѣсто (и она занимала его въ теченіе всего царствованія Им. Николая II) при различныхъ торжественныхъ выходахъ, пріемахъ, балахъ; Государынѣ Матери было оставлено завѣдываніе вѣдомствомъ Императрицы Маріи, и она стояла во главѣ общества Краснаго Креста; дни рожденія и тезоименитства ея продолжались праздноваться; она сохранила право давать шифръ воспитанницамъ институтовъ и др. права.

Все это безспорно давало поводы къ тому, что внутренняго сближенія, сердечнаго рода отношеній между Императрицами не установилось, хотя самыя добрыя отношенія существовали и поддерживались съ обѣихъ сторонъ.

Что же касается узкой, личной семьи Государя — то это была рѣдкая и образцовая по сплоченности, взаимной любви, цѣльности, спаянности и высокой душевной настроенности прекрасная семья. Она состояла изъ Государя, Государыни, четырехъ дочерей (Ольга — 1895 г., Татьяна — 1897 г., Марія — 1899 г., Анастасія — 1901 г) и сына, Наслѣдника Престола (1904 г.). Во главѣ ея, въ центрѣ, стояла безспорно Государыня Императрица, такъ какъ Государя такъ отрывали дѣла, пріемы, выѣзды, кабинетная работа, что онъ въ семьѣ скорѣе былъ горячо любимымъ, желаннымъ гостемъ, другомъ, но не созидателемъ, хотя, живя душа въ душу съ Государыней, онъ, конечно, былъ душевнымъ соработникомъ въ ея тяжеломъ педагогическомъ трудѣ. Государыня была, какъ говорили, „крышей“ семьи, ея живѣйшей опекой; неустаннымъ любовнымъ дѣланіемъ и глубочайшимъ вниманіемъ она дѣйствительно строила, созидала ее и добилась исключительныхъ результатовъ.

Съ перваго появленія дѣтей она отдала имъ все свое вниманіе: кормила, ежедневно сама купала, выбирала нянь, неотступно бывала въ дѣтской, не довѣряя своихъ малютокъ никому. „Такъ много удѣляла времени дѣтской, вспоминаетъ А. Вырубова, что при Дворѣ стали говорить, что Императрица

не Царица, а только мать... Прежде всего она была матерью: держа на рукахъ шестимѣсячную Великую Княжну Ольгу Николаевну, Государыня обсуждала съ моимъ отцомъ серьезные вопросы своего новаго учрежденія; одной рукой качая колыбель съ новорожденной Великой Княжной Татьяной Николаевной, она другой подписывала дѣловыя бумаги". Съ дочерьми, особенно когда онѣ были маленькія, ей было легко. Здоровыя, жизнерадостныя, ласковыя, послушныя дѣвочки, поставленныя въ простыя, строгія, установленныя условія жизни, — доставляли ей, прекрасному, умному, сердечному и чуткому педагогу, мало заботъ[1]).

„Я сохранилъ совершенно отчетливое воспоминаніе, говоритъ приглашенный Государыней преподавать дѣтямъ французскій языкъ П. А. Жильяръ, о крайнемъ интересѣ, съ какимъ Императрица относилась къ воспитанію и обученію Своихъ дѣтей, какъ мать, всецѣло преданная своему долгу[2])". Императрица часами проводила въ классной, руководя занятіями своихъ дѣтей. Она учила ихъ рукодѣлію.

Высоко цѣня полученное ею самой англійское воспитаніе, она и дочерей вела въ томъ же духѣ: физически — ихъ окружало много воздуха (жила

---

[1]) Государыня не приглашала къ дочерямъ гувернантокъ, т. к. не желала видѣть кого-либо между собой и ими. Не поручала фрейлинамъ постояннаго надзора за дѣтьми. Первое время, по рекомендаціи Вел. Кн. Елизаветы Ѳеодоровны, при нихъ состояла фрейлина С. И. Тютчева.

[2]) „Одна подробность, говоритъ П. Жильяръ, особенно ясно обнаруживаетъ заботу о точности, которую Императрица вносила въ свое попеченіе о дочеряхъ, и свидѣтельствуетъ также о внимательности, которую она хотѣла внушить имъ къ ихъ наставникамъ, требуя отъ нихъ порядка, который составляетъ первое условіе вѣжливости. Пока она присутствовала на моихъ урокахъ, я всегда при входѣ находилъ книги и тетради, старательно разложенными на столѣ передъ мѣстомъ каждой изъ моихъ ученицъ. Меня никогда не заставляли ждать ни одной минуты".

Императорская Семья всегда не въ тѣснотѣ столицъ, а среди просторныхъ парковъ Царскаго Села и Петергофа), свѣта; много воды; ихъ не кутали; онѣ выросли спортсменками (велосипедъ, верховая ѣзда, тенисъ), были постоянно въ работѣ[1]); духовно — простыя и любившія все простое, ласковыя, образованныя, естественныя, безъ позы, нетребовательныя, открытыя, глубоко правдивыя, проникнутыя чувствомъ долга, истинно религіозныя. „Государыня воспитала въ нихъ, говоритъ одинъ наблюдательный человѣкъ, хорошо знавшій Царскую Семью, ту вѣру, ту силу духа и смиренія, которыя помогли имъ безропотно и свѣтло вынести тяжелые дни заточенія и принять мученическую смерть". Всѣ четыре велись ею ровно, умно, заботливо, любовно, и Сама она была имъ лучшимъ примѣромъ, стояла на большой высотѣ. Объ этомъ такъ настойчиво любилъ повторять Ѳ. Достоевскій: „Ихъ маленькія дѣтскія души, съ мудрой любовью говорилъ онъ, требуютъ безпрерывнаго и неустаннаго соприкосновенія съ вашими родительскими душами, требуютъ, чтобы вы были для нихъ, такъ сказать, всегда духовно на горѣ, какъ предметъ любви, великаго нелицемѣрнаго уваженія и прекраснаго подражанія". Душевный міръ Великихъ Княженъ слагался въ кругу сплоченной дѣятельной взаимной любовью Царской Семьи.

Конечно, ближе Государынѣ были двѣ взрослыя дочери — „старшія" — Ольга и Татьяна, особенно вторая, близкая ей по душевному складу; съ ними она чаще была вмѣстѣ, особенно послѣдніе годы, когда онѣ работали съ матерью въ лазаретахъ, много ѣздили по Россіи. Ихъ дальнѣйшая судьба рано стала заботить ее, какъ мать. „Да ниспошлются нашимъ дѣтямъ щедрыя милости

[1]) „Государыня не позволяла княжнамъ ни одной минуты сидѣть безъ дѣла. Онѣ должны были быть всегда занятыми, всегда находиться въ дѣйствіи. Чудныя работы и вышивки выходили изъ подъ ихъ изящныхъ, быстрыхъ ручекъ" (С. Офросимова).

Бога, — я съ мучительнымъ страхомъ думаю объ ихъ будущемъ — оно такъ неизвѣстно. Жизнь загадка, будущее скрыто завѣсой, и когда я смотрю на нашу большую Ольгу, мое сердце полно волненія, и я спрашиваю, какая судьба ей готовится, что ее ожидаетъ? Ахъ, если бы дѣти наши могли бы также быть счастливы въ своей супружеской жизни".

Отношеніе Великихъ Княженъ къ Государынѣ обусловливалось прежде всего отношеніемъ взрослыхъ дочерей къ строгой и требовательной матери, которая ихъ всѣмъ сердцемъ любила и ими жила. „Мать, которую онѣ обожали, вспоминаетъ П. А. Жильяръ, была въ ихъ глазахъ какъ бы непогрѣшима; онѣ были полны очаровательной предупредительности по отношенію къ ней".

Сплоченная Царская Семья привыкла къ единой, общей жизни — все вмѣстѣ, вдали отъ шумной дворцовой или широкой общественной жизни. Было однообразно, одиноко, но очень задушевно и взаимно близко.

Государыня тщательно поддерживала установленный порядокъ этой семейной жизни, очень скромной, простой и жаждавшей свободы (какъ оживала вся Царская Семья при выѣздахъ въ шхеры или въ Крымъ).

День Государыни въ семьѣ складывался приблизительно такъ: утромъ первый завтракъ былъ въ аппартаментахъ, безъ дѣтей; Государыня любила къ кофе и чаю московскіе калачи; потомъ у Государыни шли заботы по дѣтской, позднѣе — уроки дѣтей, а послѣднее время — она долго утромъ лежала, писала пространныя письма, читала или рукодѣльничала. Всегда ровно въ часъ дня — второй завтракъ. Обстановку его прекрасно передаетъ флигель-адъютантъ С. Фабрицкій: „Войдя въ гостиную до прихода Ихъ Величествъ, я увидѣлъ посрединѣ комнаты столъ, накрытый на 3 прибора (маленькія дѣти тогда къ общему столу еще не допускались; чтобы пріучить ихъ къ общенію съ

посторонними, Государыня все же рѣшила съ 8-10 лѣтъ привлекать ихъ къ общей трапезѣ), а ближе, къ двери будуара Ея Величества, маленькій столъ съ нѣсколькими сортами закуски. Государь вошелъ въ дверь изъ своей половины, ласково поздоровался со мной и прошелъ къ Императрицѣ, откуда черезъ нѣсколько минутъ они вышли вмѣстѣ, пригласивъ меня къ закускѣ. Ея Величество, давъ мнѣ поцѣловать руку, милостиво спросила о здоровіи жены и дѣтей и выразила желаніе скоро познакомиться съ первой" (Государыня никогда не подходила къ закусочному столу и, если были приглашены придворные, разговаривала въ это время съ фрейлинами или высшими чинами). За столомъ Государыня сидѣла обычно справа отъ Государя; она все время „поддерживала разговоръ, обращаясь къ Государю на англійскомъ языкѣ, а ко мнѣ по-французски. Императрица милостиво объяснила мнѣ, что съ Государемъ она говоритъ по-англійски для практики его въ этомъ языкѣ, а со мной по французски, т. к. сама еще стѣсняется говорить по-русски (это было въ началѣ царствованія). Послѣ завтрака перешли пить кофе въ будуаръ Императрицы, гдѣ она сейчасъ же легла на кушетку. Пришли дѣти, окружили августѣйшую Мать и начали общій разговоръ по-русски".

„Большую часть дня, вспоминаетъ А. Вырубова, Императрица проводила у себя въ кабинетѣ, съ блѣдно-лиловой мебелью и такого же цвѣта стѣнами (любимый цвѣтъ Государыни). Комната эта была полна цвѣтовъ, кустовъ цвѣтущей сирени или розановъ, и въ вазочкахъ стояли цвѣты. Надъ кушеткой висѣла огромная картина „Сонъ Пресвятой Богородицы"... Тишину этой комнаты нарушали звуки рояля сверху, гдѣ Великія Княжны поочередно разучивали одну и ту же пьесу, или же когда пробѣгутъ по коридору, и задрожитъ хрустальная люстра... Около кушетки Государыни на низкомъ столѣ стояли семейныя фотографіи, лежали письма и телеграммы (Императрица писала

чрезвычайно быстро, лежа на кушеткѣ; она въ полчаса могла отвѣтить на нѣсколько писемъ). Обыкновенно разъ въ мѣсяцъ горничная Маделенъ испрашивала позволеніе убрать корреспонденцію". Если погода была хорошая, Государыня съ дѣтьми, послѣ двухъ часовъ дня, выѣзжала кататься; по дорогѣ выходили изъ экипажа, собирали цвѣты. Ровно въ 5 ч. дня подавали чай. Въ кабинетъ Ея Величества вносили круглый столъ; передъ Государыней ставили серебряную спиртовую машинку, серебряный чайникъ и нѣсколько тарелочекъ съ печеньемъ[1]); собиралась вся семья; послѣ чая Государь читалъ агентскія телеграммы или газеты, а Государыня работала; дѣти, пока были маленькія, играли на коврѣ съ игрушками, которыя сохранялись въ высокой корзинѣ въ кабинетѣ Государыни; позже онѣ приходили съ работами.

С. Офросимова припоминаетъ фотографію изъ альбома Ея Величества: „На длинной кушеткѣ лежитъ Государыня со слегка закинутой назадъ головой... Профиль ея строгъ и скорбенъ... Ея царственныя, прекрасныя руки вмѣстѣ съ работой устало, устало опустились на темныя бархатныя складки платья... Она или отдыхаетъ или погружена въ тяжелыя думы. Вокругъ, въ креслахъ и на маленькихъ скамеечкахъ, сидятъ Княжны съ вышиваніями въ рукахъ. На полу, на мягкой подушкѣ, сидитъ Наслѣдникъ. Взоры всѣхъ Княженъ обращены на него съ любовью и нѣжностью; только Татьяна Николаевна сосредоточенно смотритъ на мать. Тишина и уединеніе и безконечная любовь другъ къ другу вѣетъ съ этой страницы". Въ эти часы бывали выѣзды въ церковь, ко всенощной. „Сколько церквей мы такъ объѣхали, вспоминаетъ А. Вырубова: бывали счастливые дни, когда насъ не узнавали, и Государыня молилась, отходя душой отъ земной суеты, стоя на колѣняхъ на каменномъ

[1]) Часто Государыня говорила: „У всѣхъ бываетъ вкуснѣе чай, чѣмъ у насъ, и болѣе разнообразія".

полу. Возвращаясь въ свои царскіе покои, она приходила къ обѣду румяная отъ морознаго воздуха, съ слегка заплаканными глазами, спокойная...“

Обѣдъ подавали въ 8 часовъ. Собиралась семья. Въ 9 часовъ въ открытомъ платьѣ и брилліантахъ, которые Государыня всегда надѣвала къ обѣду, она подымалась наверхъ, въ дѣтскія, помолиться съ Наслѣдникомъ.

Въ эти часы Государь былъ съ семьей, часто, съ большимъ искусствомъ, читалъ русскихъ классиковъ (Гоголя, Тургенева, Чехова) и юмористовъ.

Ложились Ихъ Величества поздно.

Такъ налажено и ровно текла жизнь Царской Семьи — зимой въ Царскомъ Селѣ, лѣтомъ — въ Петергофѣ, съ радостными выѣздами на просторы — весной и осенью въ Крымъ, а лѣтомъ въ финскія шхеры. И только по обязанности, въ офиціальныхъ случаяхъ, Ихъ Величества выѣзжали въ столицы; рѣдко — за границу, въ Дармштадтъ и курорты.

Когда въ 1917 году бѣдную Царскую Семью насильно оторвали отъ этихъ мѣстъ и этой жизни, рѣшивъ перевезти въ Тобольскъ, Государыня писала: „Какое страданіе нашъ отъѣздъ; все уложено, пустыя комнаты — такъ больно, нашъ очагъ въ продолженіе 23 лѣтъ“.

Очагъ, созданный Государыней.

„Жизнь Ихъ Величествъ, говоритъ А. Вырубова, была безоблачнымъ счастьемъ взаимной безграничной любви. За двѣнадцать лѣтъ я никогда не слышала ни одного громкаго слова между ними, ни разу не видѣла ихъ даже сколько-нибудь раздраженными другъ противъ друга. Государь называлъ Ея Величество „Sunny“ (Солнышко). Приходя въ ея комнуту, онъ отдыхалъ и, Боже сохрани, какіе-нибудь разговоры о политикѣ или о дѣлахъ. Заботы о воспитаніи дѣтей и мелкія домашнія дрязги Императрица несла одна. Дѣти буквально боготворили родителей“.

„Мы одно, говорила Государыня, а это, увы, такъ рѣдко въ теперешнее время — мы тѣсно связаны вмѣстѣ... Маленькая крѣпко связанная семья“...

Однажды за вечернимъ чаемъ у Ихъ Величествъ генералъ Татищевъ (въ Тобольскѣ) выразилъ свое удивленіе при видѣ того, насколько тѣсно сплочена и проникнута любовью семейная жизнь Государя, Государыни и ихъ дѣтей. „Если вы, Татищевъ, сказалъ Государь, который были моимъ генералъ-адъютантомъ и имѣли столько случаевъ составить себѣ вѣрное сужденіе о насъ, такъ мало насъ знали, какъ вы хотите, чтобы мы съ Государыней могли обижаться тѣмъ, что говорятъ о насъ въ газетахъ?“

Прошло страшное испытаніе, и устояла нетлѣнной чистотой Царская Семья.

Объ этомъ сказали всѣ[1]), кто только позналъ ее вблизи, и правъ былъ П. А. Жильяръ, который замѣтилъ: „Какой примѣръ, если бы только о немъ знали, давала эта столь достойная семейная жизнь, полная такой нѣжности! Но какъ мало людей о ней подозрѣвали! Правда, что эта семья была слишкомъ равнодушна къ общественному мнѣнію и укрывалась отъ постороннихъ взоровъ“.

Теперь объ этомъ знаютъ, должны знать!

Царская Семья — и ее нельзя раздѣлять — всѣ семь вмѣстѣ — это единый алмазъ, сіяющій и крѣпчайшій, граненый дѣятельной любовью.

Какой примѣръ въ наши дни!

---

[1]) Флигель-адъютантъ Мордвиновъ: „Я навсегда буду подъ впечатлѣніемъ этой изумительной, до встрѣчи съ ними никогда ранѣе мною невиданной, чудной во всѣхъ отношеніяхъ семьи“.

Камердинеръ Государя Волковъ: „Я скажу про нихъ просто: это была самая святая и чистая семья“.

Охранникъ рабочій Якимовъ (въ Екатеринбургѣ): „Какъ я ихъ своими глазами поглядѣлъ нѣсколько разъ, я сталъ душой къ нимъ относиться совсѣмъ по другому: мнѣ стало ихъ жалко“.

И въ созданіи ея (а „создается семья, по слову Достоевскаго, неустаннымъ трудомъ любви") — одна изъ историческихъ заслугъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

ГОСУДАРЫНЯ И НАСЛѢДНИКЪ

„Ты, Беби и Россія мнѣ слишкомъ дороги".

Лѣтомъ 1904 года родился долгожданный и Семьей и Россіей Наслѣдникъ Престола Цесаревичъ Алексѣй.

Среди тяжести войны и внутренней смуты блеснулъ яркій солнечный лучъ и озарилъ радостью Россію, Царскую Семью и гордую сыномъ Государыню.

Все ликовало. Онъ сталъ центромъ Семьи, общимъ любимцемъ. Передъ Государыней выростала трудная задача — воспитать не только мальчика, но и Наслѣдника Престола. П. А. Жильяръ, который такъ помогъ Государынѣ въ этомъ, описываетъ первую встрѣчу съ ними: „Вошла Императрица съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ на рукахъ. Она шла къ намъ съ очевиднымъ намѣреніемъ показать мнѣ сына, котораго я еще не зналъ. На лицѣ ея сіяла радость матери, которая увидѣла, наконецъ, осуществленіе самой завѣтной своей мечты. Чувствовалось, что она горда и счастлива красотой своего ребенка. И на самомъ дѣлѣ Цесаревичъ былъ въ то время самымъ дивнымъ ребенкомъ, о какомъ только можно мечтать... Во время этой первой встрѣчи я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ Императрица прижимала Цесаревича къ себѣ нѣжнымъ

жестомъ матери, которая какъ будто всегда дрожитъ за жизнь своего ребенка...“ Дѣло въ томъ, что Государыня, къ отчаянію своему, на второмъ мѣсяцѣ послѣ рожденія Наслѣдника обнаружила, что ему передалась при рожденіи наслѣдственная болѣзнь Гессенскаго дома — гемофилія, которая ставила подъ угрозу внезапной смерти этого долгожданнаго мальчика, надежду Россіи, при малѣйшемъ его неосторожномъ движеніи. Государыня страдала вдвойнѣ: и какъ мать этого чуднаго ребенка, и какъ виновница его страданій, такъ какъ она передала ему эту ужасную болѣзнь. Казалось бы, ей оставалось окружить его неослабнымъ надзоромъ, охранить его (какъ потомъ оказалось — очень подвижнаго, жизнерадостнаго ребенка) отъ всякихъ лишнихъ движеній, погасить въ немъ все порывистое, чисто дѣтское; къ нему, дѣйствительно, кромѣ няни, были приставлены два матроса, которые всюду неотступно сопровождали его и оберегали; это могло въ концѣ концовъ парализовать его волю, самостоятельность, угасить въ немъ личность. А вѣдь онъ не только ея сынъ: онъ призванъ быть Наслѣдникомъ великаго царства, гдѣ какъ разъ нужны сильная воля, крупная индивидуальность, свое лицо. И Императрица, въ согласіи съ Государемъ, нашла исключительно мудрый, смѣлый и жертвенный выходъ изъ этого положенія.

Какъ мать, она души не чаяла въ своемъ очаровательномъ свѣтозарномъ красавцѣ сынѣ[1]); она его такъ любила, что даже не могла быть съ нимъ такой же требовательной, какъ съ дочерьми; онъ былъ для нея сокровищемъ, пожалуй, равнымъ съ такъ исключительно любимымъ Государемъ, какъ человѣкомъ. И у нея не было дня безъ тревоги за него. П. А. Жильяръ говоритъ, что если Наслѣдникъ подходилъ къ ней двадцать разъ въ день, то

---

[1]) Она дала ему въ семьѣ рядъ ласкательныхъ именъ и зововъ: Беби, Агунюшка, Крошка, Маленькій, Солнечный лучъ, Маленькій человѣчекъ и др.

не было случая, чтобы она его не поцѣловала, когда онъ, подойдя къ ней, уходилъ отъ нея: каждый разъ, прощаясь съ нимъ, боялась не увидѣть его болѣе.

Онъ выросталъ, и она, чутко разбиравшаяся въ людяхъ и предъявлявшая къ нимъ очень повышенныя требованія, нашла для Наслѣдника рѣдкаго по качествамъ наставника, выдающагося педагога, П. А. Жильяра. Она долго присматривалась къ нему, изучала его, когда онъ сталъ преподавать французскій языкъ великимъ княжнамъ, а затѣмъ она его узнала, въ него повѣрила и ему довѣрила свое сокровище, не переставая, въ то же время, очень живо, непосредственно чутко и неотступно руководить воспитаніемъ и вести Наслѣдника, какъ и всѣхъ своихъ дѣтей. Ея отношенія къ П. А. Жильяру были полны довѣрія, полной искренности, откровенности, ласковаго отношенія къ „своему“ человѣку, и это такъ помогало въ чуткой, широкой и плодотворной работѣ этого прекраснаго педагога. Она не стѣсняла его, поддерживала его благія начинанія и, наконецъ, дала согласіе на то, чего бы не допустила, вѣроятно, ни одна мать, оставайся она только матерью, дорожащей жизнью любимаго сына. Въ ея рѣшеніи былъ незамѣтный, но великій подвигъ Государыни передъ Родиной, во имя которой она пожертвовала своими чувствами матери. Дѣло въ томъ, что П. А. Жильяръ, вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность наставника, убѣдился, что присутствіе двухъ матросовъ, слѣдовавшихъ за каждымъ шагомъ ребенка, было ему вредно, могло выработать изъ него натуру „обломовскую“. То, что выигрывалось въ смыслѣ безопасности, ребенокъ проигрывалъ въ смыслѣ дѣйствительной дисциплины. Было невозможно все предусмотрѣть, и чѣмъ надзоръ становился строже, тѣмъ болѣе онъ казался стѣснительнымъ и унизительнымъ ребенку, могъ сдѣлать изъ него человѣка безхарактернаго, безвольнаго. Но доктора были поглощены опасеніемъ рокового исхода и сознаніемъ

своей тяжелой отвѣтственности, если ребенку будетъ предоставлена полная свобода. Только родители могли взять на себя рѣшеніе. Государыня пошла на страшный рискъ, лишь бы не сдѣлать изъ сына человѣка, лишеннаго воли, мужества и нравственной стойкости. Она предоставила ему свободу. Всѣ тревоги за жизнь Наслѣдника, весь ужасъ переживаній въ часы и дни его почти предсмертныхъ страданій, при неосторожныхъ ушибахъ, она взяла на себя, уйдя всей душой въ жизнь дорогой ей семьи, борясь, съ присущими ей прямотой и темпераментомъ, за жизнь дорогого ей существа.

Когда въ Спалѣ у Наслѣдника былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ припадковъ, Государь писалъ матери: „Дни отъ 10-го до 23-го были самыми тяжелыми. Бѣдняжка сильно страдалъ, боли были спорадическими и появлялись каждыя четверть часа. Онъ почти не спалъ все это время, не имѣлъ силъ плакать и только стоналъ, повторяя все время одни и тѣ же слова: „Господи, сжалься надо мною“. Я съ трудомъ могъ оставаться у него въ комнатѣ, но долженъ былъ смѣнять Аликсъ, которая совершенно выбилась изъ силъ, проводя у его постели всѣ ночи напролетъ. Она переносила это испытаніе лучше, чѣмъ я, въ особенности, когда Алексѣю было очень тяжело. Но теперь, слава Богу, опасность миновала, но Аликсъ начинаетъ испытывать послѣдствія душевнаго и физическаго напряженія, и сердце у нея очень ослабѣло...“

„Однажды утромъ я нашелъ мать у изголовья сына“, вспоминаетъ эти дни П. А. Жильяръ: „Цесаревичъ, лежа въ кроваткѣ, жалобно стоналъ, прижавшись головой къ рукѣ матери, и его тонкое, безкровное личико было неузнаваемо. Изрѣдка онъ прерывалъ свои стоны, чтобы прошептать только одно слово: „Мама“, въ которомъ онъ выражалъ все свое страданіе, все свое отчаяніе. И мать цѣловала его волосы, лобъ, глаза, какъ будто этой лаской она могла облегчить его страданія, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала“.

Какая мать откажется отъ того, чтобы въ такомъ положеніи не испробовать всѣ возможныя средства — медицины, вѣры въ Бога, даже вѣры въ людей[1]), могущихъ исцѣлить и облегчить.

Въ обычное время Государыня была очень близка съ Наслѣдникомъ, выдѣляя его среди дѣтей, какъ маленькаго, необычайно милаго и страдальца. Когда онъ подросъ, она научила его молиться. Ровно въ 9 ч. вечера онъ поднимался съ Государыней наверхъ, въ свою комнату, читалъ громко молитвы и ложился спать, осѣненный ея крестнымъ знаменіемъ.

Она взяла на себя руководство его первоначальнымъ обученіемъ и пригласила къ нему выдающихся педагоговъ-учителей, неослабно лично наблюдая за ходомъ ученья.

Она разсталась съ нимъ въ первый разъ въ дни великой войны, въ октябрѣ 1915 года, когда она отпустила его съ отцомъ на фронтъ, чтобы этотъ свѣтлый Отрокъ вдохновилъ своимъ присутствіемъ войска на новые подвиги.

Она видѣла, какъ ея сынъ-отрокъ мужалъ; она хорошо знала своего сына, его уже проявлявшуюся твердую волю, свое лицо; онъ становился серьезнѣе, самостоятельнѣе. Она сознавала всегда

---

[1]) На этомъ и только на этомъ были основаны отношенія Государыни къ „старцу“, простому сибирскому мужику, обладавшему исключительной силой внушенія и даромъ провидѣнія; они имѣли источникомъ самыя благородныя чувства, которыя способны наполнить сердце матери — любовь къ опасно больному сыну и жажда его исцѣленія; это — всецѣло подтверждается и вскрывается теперь большой мемуарной литературой.

Очень близкій къ Царской Семьѣ министръ Императорскаго Двора графъ В. Б. Фредериксъ привелъ по этому поводу такой ясный отвѣтъ Государя: „Это только простой русскій человѣкъ, очень религіозный и вѣрующій... Императрицѣ онъ нравится своей искренностью; она вѣритъ въ его преданность и въ силу его молитвъ за нашу семью и Алексѣя... но вѣдь это наше совершенно частное дѣло... удивительно, какъ люди любятъ вмѣшиваться во все то, что ихъ совсѣмъ не касается“.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА
съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ
Алексѣемъ Николаевичемъ.

въ немъ не только своего сына, но и будущаго Императора Россіи, и въ этомъ направленіи вела все его воспитаніе. Она думала въ страшныя минуты, переживаемыя Родиной, о его грядущемъ царствованіи и провидѣла возможное будущее, вѣря въ незыблемость монархическаго начала на Руси и подготовляя своему сыну благое наслѣдство.

„Мы должны, писала она Государю: передать Беби крѣпкое государство и ради него не смѣемъ быть слабыми, иначе у него будетъ еще болѣе трудное царствованіе, такъ какъ придется исправлять наши ошибки и крѣпче натягивать вожжи... Пусть наше наслѣдство будетъ для Алексѣя легче. У него есть своя сильная воля и умъ... Ты, Беби и Россія мнѣ слишкомъ дороги... Мы Богомъ возведены на престолъ, и Мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновеннымъ нашему сыну".

Но Богъ судилъ иное.

Въ полномъ отчаяніи, одинокая, встрѣтила Государыня дни революціи и узнала объ отреченіи Государя, и за себя и за сына, находя облегченіе у постели лежавшаго въ кори Наслѣдника.

„Я увидѣлъ ее, вспоминаетъ П. А. Жильяръ, вечеромъ у Алексѣя Николаевича. На ней лица не было, но она принудила себя, почти сверхчеловѣческимъ усиліемъ воли, прійти по обыкновенію къ дѣтямъ... На слѣдующій день я вновь засталъ Государыню у Алексѣя Николаевича. Она была спокойна, но очень блѣдна"...

Во время заточенія въ Царскомъ Селѣ, а затѣмъ въ Тобольскѣ, Государыня, когда она была здорова, преподавала Наслѣднику Законъ Божій. Эти уроки бывали обычно по утрамъ, пока Государыня не выходила изъ своей комнаты. „Прохожу съ Алексѣемъ, писала Государыня изъ Тобольска: объясненіе литургіи. Дай мнѣ Богъ умѣніе учить, чтобы на всю жизнь осталось у нихъ въ памяти, чтобы имъ было на пользу и для развитія души... Господь благословитъ мои уроки съ Беби — почва

богатая — стараюсь, какъ умѣю, вся жизнь моя въ немъ. Я эти уроки очень люблю". Когда ему нездоровилось, онъ лежалъ въ комнатѣ у мамы, которая ему читала по-англійски или играла съ нимъ въ мельницу, въ „Тише ѣдешь"; они обычно вмѣстѣ завтракали[1]).

Полныя отчаянія переживанія и мучительная борьба выпали на долю Государыни, когда въ апрѣлѣ 1918 года Государя принудительно увозили изъ Тобольска, и Государыня рѣшила, оставивъ больного сына, оторвавъ сердце свое отъ безгранично любимаго ребенка, слѣдовать, во имя долга, за Государемъ.

С. И. Гиббсъ, дежурившій около больного, передаетъ, что Наслѣдникъ очень страдалъ въ тѣ дни. Императрица обѣщала послѣ завтрака придти къ нему. Онъ все ждалъ, ждалъ, а она все не шла. Онъ все звалъ: „Мама, мама"... Онъ звалъ, а она не шла. Она, которая его такъ любила. Наконецъ, только послѣ принятаго ею рѣшенія, она пошла къ Наслѣднику. Она пришла; она была спокойна. На лицѣ ея остались слѣды слезъ. Чтобы не безпокоить Алексѣя Николаевича, она стала разсказывать, что Государь долженъ уѣхать съ ней, а потомъ, когда Алексѣй Николаевичъ поправится, поѣдемъ и всѣ мы... Она плакала, но скрывала свое лицо отъ сына, не желая, видимо, чтобы онъ видѣлъ ея слезы". Въ Екатеринбургѣ, гдѣ Государыня только черезъ мѣсяцъ дождалась пріѣзда сына, его помѣстили въ комнатѣ Ихъ Величествъ. По свидѣтельству цѣлаго ряда опрошенныхъ впослѣдствіи лицъ, Цесаревичъ и его сестры поразительно сознательно и мужественно отнеслись къ постигшей Царскую Семью перемѣнѣ и преданной любовью и заботливостью старались облегчить Государынѣ и Государю всю горечь обидъ и униженій.

---

[1]) „Маленькій — ангелъ", писала Государыня: „Я обѣдаю съ нимъ, завтракаю тоже; только иногда схожу внизъ. Вяжу маленькому теперь чулки, онъ попросилъ пару, его въ дырахъ"...

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА

„Всегда вѣрная и любящая, преданная, чистая и сильная, какъ смерть".

Запись Государыни въ дневникѣ Государя 10 іюля 1894 года.

Всѣ, кто видѣлъ и зналъ Государыню, характерной чертой ея считали ея величественность, царственность; таковой она была отъ первыхъ дней царствованія[1]), до черныхъ дней Екатеринбурга[2]). Это особенно подчеркивалось ея царственно-прекрасной внѣшностью.

Вотъ совпадающія въ общихъ чертахъ зарисовки ея внѣшняго образа, сдѣланныя людьми, очень близко ее знавшими, въ разные періоды ея царствованія:

„Первое мое впечатлѣніе объ Императрицѣ относится къ началу царствованія, когда она была въ расцвѣтѣ молодости и красоты: высокая, строй-

---

[1]) С. И. Гиббсъ: „Она постоянно сознавала и никогда не забывала своего положенія. Поэтому она всегда казалась Императрицей".

К. М. Битнеръ: Самымъ ея характернымъ отличіемъ была ея величественность. Такое впечатлѣніе она производила на всѣхъ. Идетъ она, обязательно одернешься и подтянешься".

[2]) Охранникъ (Екатеринбургъ) рабочій Якимовъ: „Она не простая и, какъ есть, похожа на Царицу".

ная, съ царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными грустными глазами — она выглядѣла настоящей Царицей".

„Высокая, съ золотистыми густыми волосами, доходившими до колѣнъ, она, какъ дѣвочка, постоянно краснѣла отъ застѣнчивости; глаза ея, огромные и глубокіе, оживлялись при разговорѣ и смѣялись..." „Она была поразительно хороша на историческомъ балу зимой 1903 г. въ золотомъ парчевомъ костюмѣ царицы Наталіи Кирилловны".

„Помню ея высокую фигуру въ темномъ бархатномъ платьѣ, опушенномъ мѣхомъ, и длинномъ жемчужномъ ожерельѣ. За ея стуломъ стоялъ арапъ Jimmy въ бѣлой чалмѣ и шитомъ платьѣ" (1904 г.).

„Она была въ полномъ смыслѣ слова красавицей, въ которой соединилось все: царственная осанка, правильныя черты лица, большой ростъ, правильная фигура, изящная походка, грація..."

„Императрица была еще очень хороша въ это время (1905 г.): высокаго роста, стройная, съ великолѣпно поставленной головой. Но все это было ничто въ сравненіи со взглядомъ ея сѣро-голубыхъ глазъ, поразительно живыхъ, отражавшихъ всѣ волненія ея животрепещущей души".

„Государыня была поразительно красива въ голубомъ бархатномъ платьѣ съ высокимъ кокошникомъ и фатой, осыпанной жемчугами и брилліантами; на ней была Андреевская лента" (на балу въ 1913 г.).

„Передо мной встаетъ лицо Государыни. Я вижу его въ косынкѣ сестры милосердія, низко надѣтой на лобъ, въ окнѣ медленно проѣхавшей кареты. Это лицо строго и царственно, черты его прекрасны, но не той красотой, отъ созерцанія которой забываются страданія, отъ которой на душѣ становится свѣтло. Тонкія губы Царицы крѣпко сжаты... Большіе сѣрые глаза строги и скорбны; они устремлены куда-то впередъ, они словно не видятъ окружающаго, а прикованы къ какой-то

страшной картинѣ, которую никто, кромѣ Нея, не видитъ... Улыбка хочетъ и не можетъ озарить лица...“

„Государыня была въ бѣломъ больничномъ халатѣ (начало революціи). Лицо ея было мертвенно блѣднымъ, словно выточеннымъ изъ мрамора. Глубоко впавшіе глаза улыбались хорошей, доброй улыбкой. Лицо выражало тихую глубокую скорбь. Никто не можетъ представить себѣ этого неземного величія, той истинно царственной мощи и невыразимой красоты, коими въ эти минуты была обвѣяна эта женщина - страдалица“.

И, наконецъ, въ Екатеринбургѣ: „Александра Ѳеодоровна, одѣтая въ свободное платье, помнится, темно - сиреневаго цвѣта. Никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній... Обращалъ вниманіе высокій ростъ ея, манера держаться, манера, которую иначе нельзя назвать, какъ величественной... У нея былъ видъ какой - то утомленный, скорѣй даже болѣзненный... У нея въ вискахъ была замѣтна сѣдина“.

Царственный обликъ красавицы Императрицы, который она невольно являла даже въ минуты самыхъ тяжелыхъ переживаній и страданій, часто производилъ впечатлѣніе горделивости, холодности, неприступности. Глубокую ошибочность такихъ выводовъ такъ вдумчиво и чутко объясняетъ хорошо знавшій Государыню П. А. Жильяръ: „Она мечтала о томъ, чтобы найти доступъ къ сердцамъ своихъ подданныхъ. Но она не умѣла имъ это высказать, и ея врожденная застѣнчивость губила ея благія намѣренія. Она очень скоро почувствовала, что безсильна заставить понять и оцѣнить себя. Ея непосредственная натура быстро натолкнулась на холодную условность обстановки Двора. Несмотря на всѣ усилія, она не научилась банальной любезности и искусству затрагивать всѣ предметы слегка. Императрица была прежде всего искренней, и каждое ея слово было лишь выраженіемъ внутренняго чувства. Видя себя непонятой, она не замедлила замкнуться въ себѣ. Ея природная гордость была

уязвлена. Она все болѣе и болѣе уклонялась отъ празднествъ и пріемовъ, которые были для нея нестерпимымъ бременемъ. Она усвоила себѣ сдержанность и отчужденность, которыя принимались за надменность. Но тѣ, кто приближался къ ней въ минуты страданія, понимали, сколько чуткости и потребности самоотверженія скрывалось за этой видимой холодностью".

А. Вырубова подтверждаетъ это: „Она безконечно страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодна, горда и непривѣтлива"...

За этой, такъ обманчиво воспринимаемой, внѣшней оболочкой крылся богатый и сложный душевный міръ очень одаренной женщины, который особенно широко раскрывался тѣмъ, кто подходилъ къ Государынѣ съ простосердечной, открытой душой и находилъ столько очарованія, женственности, ласки и дѣятельнаго добра[1]). Она была очень застѣнчива[2]), и это сказывалось на каждомъ шагу, въ особенности во время торжественныхъ пріемовъ[3]); въ кругу же людей близкихъ, когда застѣнчивость проходила, Государыня часто была центромъ веселья, и съ ней скучать было невозможно. „Я очень любилъ быть съ ней и говорить", вспоминаетъ С. И. Гиббсъ.

---

[1]) „Я увидѣлъ, говоритъ Б. Апрѣлевъ, въ ея глазахъ точно материнскую нѣжность, и она сказала: „Поклонитесь вашей мамѣ и оставайтесь такимъ же хорошимъ, какой вы теперь". Это отношеніе, эти слова, а главное взглядъ, тонъ, — все это даетъ обликъ Государыни совсѣмъ не тотъ, который она могла производить и производила на мало знавшихъ ее людей. Я вышелъ отъ Нея совсѣмъ растроганный и со слезами на глазахъ".

[2]) „Съ первыхъ же шаговъ при Дворѣ, вспоминаетъ ген. Мосоловъ, Александра Ѳеодоровна держала себя съ большимъ достоинствомъ, а врожденную ея застѣнчивость приняли за отчужденность"...

[3]) „Государыня очень застѣнчива по натурѣ, въ особенности съ неизвѣстными ей лицами, чему тоже способствовала ея боязнь за свое неполное знаніе русскаго языка" (С. Марковъ).

Широко и разносторонне образованная, она была очень умна, съ мужскимъ складомъ ума, что такъ часто проявляется въ ея перепискѣ. „Императрица Александра Ѳеодоровна, вспоминаетъ флигель-адъютантъ С. Фабрицкій, была рѣдко образованной и воспитанной женщиной; при огромной начитанности она по своимъ знаніямъ, была ходячей энциклопедіей; обладала прекрасной памятью; владѣла въ совершенствѣ нѣсколькими языками“[1]).

По натурѣ и всѣмъ своимъ склонностямъ она была очень простая[2]), обладала той благородной простотой, которая является слѣдствіемъ глубокаго душевнаго воспитанія, душевной культуры. Она любила бывать запросто („Ей, видимо, доставляло удовольствіе пріѣхать запросто, не предупреждая, въ маленькомъ шарабанѣ, сама правила“), просто вести себя съ людьми[3]); ее стѣснялъ придворный церемоніалъ тамъ, гдѣ она имѣла право быть просто человѣкомъ. Объ этомъ говоритъ весь обиходъ Двора, особенно во время войны; эта черта характера Императрицы очень сближала ее съ Го-

---

[1]) По-русски Государыня говорила и писала свободно и читала классиковъ; для иностранки — Государыня прекрасно говорила по-русски, очень бѣгло, не задумываясь надъ словами, только иногда неправильно составляя фразы и съ небольшимъ акцентомъ, и не нѣмецкимъ, а англійскимъ. Съ Государемъ говорила по-англійски; съ дѣтьми — по-русски, англійски и французски. По-нѣмецки во дворцѣ никогда не говорили.

[2]) Однажды Государь узналъ, что однимъ изъ придворныхъ былъ купленъ для себя въ ноябрѣ свѣжій молодой картофель. „Не можете ли вы, сказалъ Государь, уступить вашъ картофель Императрицѣ къ обѣду. Она его очень любитъ и будетъ вамъ чрезвычайно за него благодарна, тѣмъ болѣе, что уже полгода, какъ она его не ѣла“. Государь былъ очень доволенъ, что смогъ доставить пріятный сюрпризъ Императрицѣ. Насколько неприхотливы были Ихъ Величества, и какъ мало заботились, чтобы удовлетворить ихъ простые вкусы (В. И. Мамантовъ).

[3]) „На первомъ докладѣ ст.-секретарь Танѣевъ уронилъ бумаги со стола, и Государыня, быстро нагнувшись, подала ихъ“.

сударемъ, и была той почвой, на которой вырастали простыя по своимъ привычкамъ, склонностямъ, обращенію съ людьми царскія дѣти.

Всѣ воспоминанія говорятъ о необычайной добротѣ Государыни, ея душевной деликатности, отзывчивости на любое горе[1]). „Чѣмъ проще и сердечнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ скорѣе она таяла; всякое страданіе, часто самое неуловимое, было близко ея сердцу; она всю себя отдавала, чтобы утѣшить человѣка. „Я свидѣтельница сотни случаевъ, говоритъ А. Танѣева, когда Императрица забывала свои собственныя недомоганія, ѣздила къ больнымъ, умирающимъ или только что потерявшимъ дорогихъ, близкихъ, и тутъ Императрица становилась сама собой, нѣжной, ласковой матерью“[2]). „Трудно себѣ представить, утверждаетъ С. Фабрицкій, какой массѣ лицъ Ея Величество помогала выйти изъ матеріальныхъ затрудненій, сколькимъ дѣтямъ оказала помощь въ воспитаніи и какую массу больныхъ призрѣла“[3])... А какъ она любила и умѣла дарить...

Она была очень женственной, и жизнь сердца временами заполняла все ея существо. „Я слишкомъ глубоко принимаю вещи къ сердцу, писала Государыня, стараюсь преодолѣть это, но я думаю,

---

[1]) „Приближенные утверждали, говоритъ С. Крыжановскій, что Государыня — женщина съ чуткимъ и горячимъ сердцемъ, отзывчивая и благожелательная. Дѣйствительно я увидѣлъ передъ собой простого и привѣтливаго человѣка“.

[2]) С. И. Гиббсъ: „Она была добрая и любила добрыя дѣла“.

К. М. Битнеръ: „Она была добра и въ душѣ смиренна“.

Н. Соколовъ (слѣдователь): „Она много отдавала своей души чужому горю, когда узнавала о немъ“.

[3]) „Если я (А. Вырубова) находила какой-нибудь вопіющій случай одиноко умирающаго больного, Императрица сейчасъ же отправлялась лично, привозя деньги, цвѣты, фрукты, а главное — обаяніе, которое она всегда умѣла внушить въ такихъ случаяхъ, внося съ собой въ комнату умирающаго столько ласки и бодрости. Сколько я видѣла слезъ благодарности. Но никто объ этомъ не зналъ“.

что Богъ далъ мнѣ такое сердце, которое наполняетъ все мое существо".

Глубоко религіозная, она, изъ основъ яснаго и убѣжденнаго религіознаго міровоззрѣнія, черпала силы, стойко проявленныя ею въ дни революціи, въ ссылкѣ и въ Екатеринбургской пыткѣ, силы, которыя крѣпили семью и стойко поддерживали Государя.

Она была вѣрнымъ другомъ, преданнымъ, искреннимъ и отзывчивымъ, не только Государя — на всю жизнь, но и своихъ простыхъ друзей — фрейлины княжны С. И. Орбеліани (Сони) и А. А. Вырубовой (Ани)[1]).

Прямая, искренняя, она ненавидѣла ложь и все лживое, и ни лестью, ни обманомъ нельзя было ее подкупить. Она обладала рѣдко развитымъ чувствомъ долга и чести, которымъ никогда и ни въ чемъ не измѣняла. Она обладала сильной волей. „Почему меня ненавидятъ?" писала Государыня въ декабрѣ 1916 г.: „потому что знаютъ, что у меня сильная воля, и когда я увѣрена въ право-

---

[1]) Очень близкими Государынѣ были: изъ фрейлинъ въ началѣ царствованія — княжна М. В. Барятинская, затѣмъ — графиня А. Гендрикова (Настенька) и баронесса С. Буксгевденъ (Иза); изъ состоявшихъ при Государынѣ — гофъ-лектриса Е. Шнейдеръ, камеръ-юнгфера Занотти и комнатная дѣвушка Государыни Анна Степановна Демидова, неотступно слѣдовавшая за Государыней до Екатеринбурга и погибшая вмѣстѣ съ Царской Семьей. Графиня Гендрикова и г-жа Шнейдеръ изъ Екатеринбургской тюрьмы были перевезены въ Пермь и тамъ разстрѣляны.

„Бѣдная Анастасія Васильевна, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о графинѣ Гендриковой С. Н. Смирновъ; по сейчасъ помню милую улыбку этой молодой дѣвушки, ея привѣтливость, ея забавную походку... 21 августа ее увели изъ тюрьмы въ Чека, гдѣ, передъ разстрѣломъ, допрашивали: добровольно ли она послѣдовала за Романовыми въ Тобольскъ. Она сказала, что добровольно. „Ну разъ вы такъ преданы имъ, скажите намъ: если бы мы васъ теперь отпустили, вы бы опять вернулись къ нимъ и опять продолжали бы служить имъ?" — „Да, до послѣдняго дня моей жизни", отвѣтила графиня".

тѣ какого-либо рѣшенія, я не мѣняю своего мнѣнія".

„У нея, говоритъ вдумчивый наблюдатель, не было искусства очаровывать, не было умѣнья и желанія нравиться толпѣ".

Она всегда была въ работѣ — вышивала, вязала, раскрашивала; не могла видѣть безъ дѣла своихъ дочерей; ей не нравилась пустая атмосфера петербургскаго свѣта, и она все надѣялась привить вкусъ къ труду[1]).

Натура богато одаренная, Государыня была талантливой музыкантшей, прекрасно пѣла (она была ученицей профессора Консерваторіи Н. А. Ирецкой), обладая чуднымъ контральто (она любила Бетховена, Чайковскаго); хорошо рисовала; была бы даровитой писательницей[2]). Въ молодости очень подвижная и веселая, Государыня была большой спортсменкой (только болѣзни мѣшали); въ письмѣ изъ Тобольска она вспоминаетъ: „Головка

---

[1]) Государыня основала Общество рукодѣлія (дамы и барышни должны были сработать не менѣе 3 вещей въ годъ для бѣдныхъ), Общество трудолюбія; Склады бѣлья для раненыхъ; Инвалидные дома съ мастерскими; Интереснѣйшую школу народнаго искусства для обученія кустарному дѣлу. Подъ Ея покровительствомъ состояло Общество для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. Получилась цѣлая сѣть трудовыхъ организацій, которыя Государыня мечтала объединить въ особое Управленіе, подобное современнымъ министерствамъ труда.

[2]) Если мы въ ея перепискѣ заинтересуемся ея описаніями природы, которыя коротенькой строчкой встрѣчаются въ каждомъ ея письмѣ, то найдемъ въ ней прекрасную стилистку. Она любила солнце, такъ радовалась ему:

„Великолѣпное, яркое солнце, какъ это все мѣняетъ! Ахъ, какое великолѣпное солнце! — Солнечно, но холодно — на дубахъ крошечные листья; сирень еще не думала зацвѣтать. — Солнце, облака, снѣгъ смѣняютъ другъ друга. — Долгая одинокая ночь. — Сѣрое утро; погода не можетъ рѣшиться, быть ли дождю, или же солнце проглянетъ сквозь тучи. — Идетъ тихій снѣгъ. — Какой тяжелый воздухъ, къ счастью, вдали гроза. — По временамъ чудное солнце, а потомъ опять такія темныя тучи".

лошади напоминаетъ мнѣ мою чудную любимую — сама ее заграницей купила — о, какъ я любила верхомъ ѣздить и править одной, двумя, четырьмя лошадьми, — даже 6-ю въ лѣсу. Играла въ тенисъ, гребла, каталась на байдаркѣ, все это было въ прошломъ, въ здоровые годы"... Послѣднее время она все чаще болѣла; на болѣзнь ногъ она жаловалась еще будучи невѣстой; послѣ революціонныхъ движеній 1904 05 г.г. и рожденія Наслѣдника здоровье Государыни сильно пошатнулось, она жалуется на сердечные припадки; часты боли тройничнаго нерва; позднѣе врачи нашли у нея общія нервныя страданія.

Вспоминая Императрицу Александру Ѳеодоровну, флигель-адъютантъ Мордвиновъ посвящаетъ ей такія искреннія строки: „Я лично любилъ Императрицу — это нервное, всегда застѣнчивое, всегда искреннее, высоко настроенное, напряженное существо, забывающее самое себя, свое больное сердце, бросающееся навстрѣчу всѣмъ страдающимъ людямъ, старающееся забыть свои обиды и силящееся и въ помыслахъ и въ поступкахъ простить своихъ обидчиковъ. Съ какимъ отчаяніемъ и горемъ принимала она всѣ извѣстія о неудачахъ нашей войны и съ какой любовью относилась ко всему русскому, старинному, православному, самобытному. Никто не мѣшалъ ей высказывать искреннія, продуманныя мысли и сужденія, благородство и глубина которыхъ не позволяли мнѣ сомнѣваться въ ея богато одаренной, чуткой и къ искусству и къ будничной жизни, натурѣ. Я чувствовалъ къ ней невольную симпатію и потому, что видѣлъ, что ея отношенія къ людямъ отличались большимъ благородствомъ... и что ея слова не были только фразами... Я рѣдко, почти никогда не видѣлъ ее веселой; она слишкомъ была чутка, и слишкомъ чувствовалась въ ней боль отъ всего, происходящаго вокругъ нея... Служеніе Россіи и народу она ставила главной цѣлью своей жизни и радовалась необычайно каждому искреннему чувству, проявленному по отношенію къ ней

кѣмъ-либо изъ этого народа... Думая о ней, вспоминаешь слова Э. Фагэ: „Надо твердо признать, что духовно одаренныя натуры всегда обречены на одиночество, и отсюда слѣдуетъ, что онѣ рѣдко бываютъ счастливы".

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА — ПРАВОСЛАВНАЯ ХРИСТІАНКА

„Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утѣшайтесь, злословимы — радуйтесь".

Слова Св. Серафима Саровскаго (изъ письма Государыни Императрицы).

Принцесса Алиса пережила долгія и мучительныя колебанія и много пролила слезъ, прежде чѣмъ она согласилась на бракъ съ Наслѣдникомъ русскаго престола, котораго она горячо и искренно полюбила. Причиной колебаній была разница вѣроисповѣданій жениха и невѣсты и необходимость для нея перемѣнить исповѣданіе, къ которому она принадлежала по рожденію. Натура глубокая, прямая и искренняя, принцесса не могла ничему измѣнить, не увѣровавъ пламенно въ новое, не начавъ его исповѣдовать.

Вспоминая въ 19'6 году дни обрученія, Государыня писала: „Какъ ясно я все вспоминаю: эти нѣжные поцѣлуи, о которыхъ я грезила, томясь послѣ долгихъ лѣтъ и думая, что я ихъ никогда не получу. Ты видишь, какъ даже тогда, вѣра и религія играютъ такую большую роль въ моей жизни. Я не могу просто къ этому относиться, — и если я прихожу къ увѣренности въ чемъ-либо,

то это уже навсегда, то же самое въ моей любви и въ моей привязанности. У меня слишкомъ большое сердце, оно меня поглощаетъ. И также любовь къ Христу, — она всегда была такъ близко связана съ нашей жизнью въ эти 22 года"...

Православную обрядность она стала познавать во время своихъ пріѣздовъ въ Россію (съ радостнаго и глубокаго обряда бракосочетанія — своей сестры). „Для насъ, исконныхъ русскихъ людей, говоритъ одинъ изъ біографовъ Императрицы, воспринятая съ юныхъ лѣтъ наша православная вѣра явленіе столь близкое, столь съ нами сросшееся и неразрывное, что церковная обрядность перестаетъ производить на насъ мистическое впечатлѣніе. Совершенно иное настроеніе она должна вызвать у неофита, вдумчиво вслушивающагося въ дневныя церковныя пѣснопѣнія, взирающаго на таинства обрядовъ, совершаемыхъ въ дыму благовонныхъ куреній, въ окруженіи божественныхъ ликовъ, святыхъ угодниковъ, чудотворныхъ иконъ, мощей и ракъ святителей; человѣкъ новый можетъ это воспріять съ особой глубиной. Такъ это и случилось съ Императрицей". Что же касается истинъ православнаго исповѣданія, то собесѣдникомъ ея, а затѣмъ духовникомъ былъ просвѣщеннѣйшій богословъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, который, послѣ обрученія Наслѣдника, полгода прожилъ при Гессенскомъ дворѣ, ежедневно занимаясь съ своей даровитой и жаждавшей истинъ ученицей[1]).

„Нѣмка по рожденію, англичанка по воспитанію, протестантка по отцовской вѣрѣ, — она выросла въ семьѣ, говоритъ протопресвитеръ Г. Шавельскій, которой былъ сроденъ, пріятенъ созер-

---

[1]) „Молодую принцессу, говоритъ П. Жильяръ, сильно волновала перспектива обязательной перемѣны религіи. Ея прямой и открытой натурѣ претило совершить актъ, который не нашелъ бы одобренія совѣсти. Священникъ, посланный въ Дармштадтъ, чтобы ознакомить ее съ началами православной вѣры, сумѣлъ открыть ей ея красоту и расположить ее въ пользу новой религіи".

цательный, мистическій духъ православной вѣры съ ея богослужебнымъ строемъ и благочестивыми упражненіями. Ея сестра, Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна, послѣ трагической смерти своего мужа, всю свою жизнь посвятила служенію въ устроенномъ ею въ Москвѣ монастырѣ... „Ирена, говорила она про свою сестру, ни въ чемъ не находитъ такого наслажденія, какъ въ православномъ богослуженіи и особенно въ Успенскомъ соборѣ. Мы съ нею не пропускаемъ ни одной воскресной утрени".

Такой же по душевному складу была и Императрица... Она прибыла въ Россію съ православной душой, съ тяготѣніемъ къ древне-православному строю религіозной жизни, къ истовому благочестію. 21 октября 1894 года она была, послѣ миропомазанія, принята въ лоно православной Церкви съ именемъ Александры.

„Государыня, говоритъ одинъ изъ авторовъ воспоминаній о ней, приняла православіе уже въ зрѣлые годы, пріяла его завѣты со всѣмъ пыломъ молодой религіозной души, безъ малѣйшаго ханжества, нигдѣ публично не подчеркивая своей искренней любви къ обрядности и сущности новаго для нея пониманія ученія Христа; она вся отдалась ему, увлекшись скрытымъ духовнымъ содержаніемъ нашей религіи; она сдѣлалась дѣйствительно православной и по духу и по мысли".

Черезъ два года, въ торжественномъ обрядѣ коронованія и миропомазанія, она становится кровной русской православной Царицей, о которой въ первомъ многолѣтіи Церковь молилась: „О Супругѣ его, Благовѣрной и Благочестивой, вѣнчанной и превознесенной и святымъ миромъ помазанной Государынѣ Императрицѣ..."

Извѣстно, что религіозное чувство — сложное, образующее особую сферу духовной жизни, въ силу чего религіозная жизнь выражается какъ въ чувствѣ, такъ и въ работѣ ума и въ благой дѣятельности; конечно, чувство вѣры — живое, непо-

средственное и искреннее — является сердцемъ, движущей силой этой жизни.

У Государыни всегда было глубокое чувство вѣры; оно не исключало у нея работы религіозной мысли и подвизало всегда ее на добрыя и благія дѣла, т. е. она была исполнена всей полноты религіозной жизни. Съ первыхъ лѣтъ ея пребыванія въ Россіи нашъ русскій укладъ, съ его религіозной обрядностью, съ осѣненіемъ церквами, являлся благодатной почвой для созданія благостной жизни Царской Семьи и укрѣпленія и цвѣтенія религіознаго чувства Императрицы.

Утреннія и вечернія молитвы, осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ передъ трапезой и послѣ нея, посѣщеніе богослуженій, ежегодныя говѣнія на 1-ой и 7-ой седьмицахъ Великаго поста со строгимъ соблюденіемъ церковнаго устава, — это были не обрядовыя обязательства, а радость Государыни и Царской Семьи. Царскіе покои, а особенно спальня Государыни, — дома ли, въ вагонѣ, на яхтѣ, — были украшены св. иконами, которыя сопутствовали ей и въ заключеніи, до послѣднихъ дней.

Благостная мистическая настроенность Государыни получила наиболѣе яркое выраженіе во время Саровскихъ торжествъ (въ іюлѣ 1903 года).

Тамъ Ихъ Величества оказались въ непосредственномъ общеніи съ народными массами, исполненными простой непосредственной вѣры, которая заражала своимъ пламеннымъ исповѣданіемъ.

Было отрадно видѣть, говоритъ очевидецъ, эту массу крестьянъ съ безхитростнымъ восторгомъ встрѣчавшихъ Царя и Царицу, какъ простыхъ богомольцевъ, безъ свиты и властей. Прибытіе въ Саровъ было удивительно торжественно. Колокольный звонъ, множество духовенства въ блестящихъ облаченіяхъ, толпы народа; послѣдніе лучи заходящаго солнца, освѣщавшаго древнюю обитель, вечерня съ дивнымъ синодальнымъ хоромъ. А на слѣдующій день — обрядъ прославленія Св. Серафима; Императрица почти всю очень длинную службу

простояла, лишь изрѣдка садясь. Потомъ — посѣщеніе скита Святителя и цѣлебной купели, куда Государыня ѣхала въ небольшой коляскѣ вмѣстѣ съ жаждавшей исцѣленія, очень близкой ей фрейлиной княжной Орбеліани. Послѣ этого — поѣздка въ Дивѣевскій женскій монастырь, гдѣ послѣ трапезы Императрица посѣтила отшельницу-старицу, пробывъ у нея въ бесѣдѣ около двухъ часовъ.

Саровскіе дни были прикосновеніемъ Государыни къ живымъ источникамъ непосредственной вѣры, среди простого народа, въ благія силы души котораго такъ вѣрили Ихъ Величества до конца своихъ дней; среди лѣсовъ и глубинъ Россіи. Будто изъ нашего времени перенеслись въ Московскую Русь, столь дорогую сердцу Государыни.

Это сказалось, въ области религіозной жизни, особенно ярко въ ея любви къ древней иконѣ, къ древне-русскому зодчеству, въ области котораго Государыня была большимъ знатокомъ; построенный, по ея мысли и при широкой поддержкѣ и участіи Государыни, недалеко отъ Александровскаго Царскосельскаго дворца Ѳеодоровскій соборъ[1]) былъ лучшимъ выраженіемъ этихъ религіозныхъ склонностей Ея Величества. Это былъ въ сущности храмъ-музей древне-русскаго религіознаго искусства; при входѣ въ него забывался шумный и крикливый XX вѣкъ, и мысли невольно переносились въ эпоху первыхъ Романовыхъ.

Государыня очень любила церковныя службы[2]);

---

[1]) Состоялъ изъ двухъ храмовъ: нижняго пещернаго, уставленнаго старинными иконами, среди сводовъ; верхняго — на четырехъ массивныхъ колоннахъ; на возвышеніи у правой колонны — мѣсто Царской Семьи. Молельня Государыни — у боковой стѣны алтаря, съ дверью раскрытой въ алтарь, въ родѣ кельи; стѣны обиты темной парчей; глядятъ строгіе лики святыхъ, озаренные свѣтомъ лампадъ; изъ полумрака кельи ослѣпительно сіялъ алтарь; невидимый хоръ звучалъ ангельскими голосами.

[2]) „Служба была чудесная и такое облегченіе... Тамъ видѣли прелестную икону — такое идеально нѣжное лицо, и передъ нимъ такъ отрадно молиться... Я такъ рада при-

она любила уединенную молитву, тихій храмъ, простое служеніе, древніе напѣвы.

„Помню одинъ день, говоритъ флигель-адъютантъ А. Мордвиновъ, во время послѣдняго пріѣзда въ Могилевъ Царской Семьи, когда одна изъ Великихъ Княженъ мнѣ сказала: „Мама хочетъ быть у всенощной не въ штабной церкви, а въ городскомъ монастырѣ и проситъ васъ насъ сопровождать. Только, пожалуйста, не предупреждайте никого и не говорите полиціи. Мы хотимъ помолиться совсѣмъ незамѣтно для другихъ". Мы вошли никѣмъ не замѣченные въ церковь и смѣшались съ молящимися. Императрица купила свѣчи и сама, какъ и Великія Княжны, поставила ихъ передъ чудотворной иконой. Всѣ ея движенія, земные поклоны, пріемы, съ которыми она ставила свѣчку, крестилась, прикладывалась къ образамъ, меня поразили своимъ изумительнымъ сходствомъ съ движеніями простыхъ религіозно настроенныхъ русскихъ женщинъ... Насъ вскорѣ узнали, толпа около насъ зашевелилась, зашепталась; откуда-то появились стулья, подъ ноги подталкивали ковры, молящіеся стали къ намъ тѣсниться... Императрица ничего не замѣчала — она ушла въ самое себя. Она стояла съ глазами полными слезъ, устремленными на икону, съ лицомъ, выражавшимъ безпредѣльную тоску и мольбу... она вся была воплощеніе вѣры и страданія. О чемъ молилась она, за кого страдала, во что вѣрила? — дома тогда все было благополучно, всѣ, даже Алексѣй Николаевичъ, были здоровы, но Россія, изнывая въ войнѣ, была уже безнадежно больна... не о чудѣ ли ея исцѣленія и вразумленія такъ настойчиво и горячо просила Русская Царица..."

Бѣды русской земли, омрачавшія царствованіе, а затѣмъ неизлѣчимая болѣзнь Наслѣдника заста-

---

частиться, я жажду этого нравственнаго укрѣпленія. Столько приходится переживать и такъ много тратить силъ" — выдержки изъ писемъ Государыни.

вили Государыню все чаще прибѣгать къ горячей молитвѣ. А когда пошли страданія войны, а затѣмъ мученія революціи, мистицизмъ Государыни углубился; надеждъ не было ни на кого, кромѣ Бога; неправда земная могла быть оправдана правдой небесной.

Близко знавшая Государыню камеръ-юнгфера Занотти свидѣтельствовала: „Всегда она была религіозная... Религія для нея въ послѣдніе годы была все. Она очень любила молитву и богослуженія, но обрядность самая ее не захватывала всю. Она отдавалась религіи умомъ. На всѣ вещи она мало по малу стала смотрѣть именно съ точки зрѣнія религіозной".

Она читаетъ много религіозныхъ книгъ[1]), подчеркивая тексты, дѣлая много карандашныхъ помѣтокъ („Іова я не успѣла все отмѣтить — каждый разъ находишь новое. Вотъ Премудрость Іисуса Сираха читала лѣтомъ, лежа около пруда, окруженная солдатами"...). „Буду теперь съ удовольствіемъ творенія Григорія Нисскаго читать, ихъ раньше не имѣла. Послѣднее время читала Тихона Задонскаго. Все таки привезла, пишетъ Государыня изъ Тобольска, изъ моихъ любимыхъ книгъ съ собой".

Подъ вліяніемъ этой вдумчивой работы религіозное чувство Императрицы все просвѣтляется, достигая необычайной христіанской высоты. Ея міросозерцаніе ясно по ея многочисленнымъ послѣднимъ письмамъ, гдѣ Государыня, исполненная непоколебимой вѣрой и убѣжденіемъ, искренно высказываетъ свои душевныя переживанія, открываетъ свои душевные пути къ горнимъ высотамъ.

„Вѣра крѣпка, духъ бодръ; чувствую близость Бога" (февраль 1918 года).

„Вспомните страданія первыхъ христіанъ-му-

---

[1]) Даже до дома Ипатьева въ Екатеринбургѣ съ ней оказались: Библія, „Лѣствица", „О терпѣніи скорбей" и старый молитвословъ Государя (6 мая 1883 г.).

чениковъ, вѣдь и среди нихъ были, быть можетъ, малодушные, не понимающіе, во имя чего выносятъ они все то, что падало на ихъ голову. Но теперь, когда христіанство царствуетъ во всемъ мірѣ, всѣмъ ясно, что страданія первыхъ христіанъ послужили началомъ и основой непобѣдимаго ученія Христа. И память ихъ почитается, и примѣромъ ихъ страданій люди въ горѣ находятъ себѣ облегченіе. И это ужасное кровопролитіе, переживаемое нами, Богомъ послано для блага человѣчества. Мы не можемъ сейчасъ сказать, во имя чего совершаются всѣ эти ужасы, что послѣдуетъ вслѣдъ за ними. Возможно, ни намъ, ни нашимъ дѣтямъ не будетъ дано понять великую мудрость Бога, и лишь наши потомки будутъ понимать Божью волю и славить Его имя".

„Крестный путь, а потомъ Христосъ воскресъ! Что время? Ничего, жизнь — суета, всѣ готовимся въ царство небесное. Тогда ничего страшнаго нѣтъ. Все можно у человѣка отнять, но душу никто не можетъ... Вся жизнь борьба, а то не было бы подвига и награды. Вѣдь всѣ испытанія, Имъ посланныя, попущенья — все къ лучшему... Дѣлаютъ люди тебѣ зло. А ты принимай безъ ропота: Онъ и пошлетъ ангела хранителя, утѣшителя своего. Никогда мы не одни. Онъ Вездѣсущій — Всезнающій — Самъ любовь... Школа великая. Господи, помоги тѣмъ, кто не вмѣщаетъ любви".

„Вотъ и Великій постъ! Очищаемся, умолимъ себѣ и всѣмъ прощеніе грѣховъ, и да дастъ Онъ намъ пропѣть на всю святую Русь: „Христосъ Воскресе!"

„Не чувствуешь ли Его помощь поддержки несенія твоего креста. Невидимо Его рука поддерживаетъ твой крестъ, на все у Него силы хватаетъ; наши кресты только тѣнь Его креста. Онъ воскреснетъ скоро, скоро и соберетъ своихъ вокругъ Себя и спасетъ родину, яркимъ солнцемъ озаритъ ее... Какъ тебѣ дать почувствовать, чѣмъ озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью —

объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и духъ Богу принадлежатъ... Какъ Тебя, Боже, благодарить! Душа ликуетъ, чувствуетъ приближеніе Жениха: грядетъ Онъ, скоро будемъ Его славить и пѣть „Христосъ Воскресе"!

Это открытое исповѣданіе, глубина убѣжденія („Я не „exaltée", дитя мое, пишетъ Государыня: Солнце озарило мою душу"...), пламенная вѣра царственной страдалицы позволили уже одному изъ изслѣдователей ея жизни закончить свой очеркъ словами: „Царица Александра, моли Бога о насъ!"

Сама же она скромно и просто зоветъ насъ словами августѣйшаго поэта:

„Тихая, теплая ночь. — Позабудь
Жалкія нужды земли...
Въ небо вглядись, отрѣшись отъ заботъ,
Къ вѣчности душу готовь".

ГОСУДАРЫНЯ И РОССІЯ

„Я больше русскою была, чѣмъ
многіе цари, по крови вамъ родные!"
Апухтинъ.

„Я тебя обожаю слишкомъ глубоко", писала однажды Государыня мужу: „чтобы утомлять такимъ письмомъ, какъ это, въ такое время, если бы душа и сердце мнѣ не подсказывали его. Мы, женщины, имѣемъ иногда инстинктъ того, что правильно, дорогой, и ты знаешь, какъ я люблю твою страну, которая стала моей".

Маленькій Гессенъ, отъ котораго она была оторвана въ раннемъ дѣтствѣ, постепенно былъ тогда уже затуманенъ величавымъ англійскимъ Дворомъ, гдѣ протекали ея первые истинно-сознательные годы; а съ двѣнадцати лѣтъ она стала сначала дорогимъ гостемъ, а черезъ десять лѣтъ и избранницей нашей великой страны.

„Твоя" страна, могла сказать она съ искреннимъ чувствомъ съ первыхъ дней пребыванія въ ней, становилась „моей".

Мы хорошо знаемъ, какъ иностранцы, разъ побывавшіе въ нашихъ просторахъ, среди нашей вольной и красивой жизни, сблизившіеся съ широкой душой нашего народа, его „золотымъ серд-

цемъ", становились „нашими", какъ легко ихъ ассимилировалъ нашъ народъ.

Что же сказать про такого чуткаго, глубокаго, такъ горячо полюбившаго нашего Государя человѣка, какъ Молодую Императрицу, которая не только къ этому прикоснулась, а вошла въ эту жизнь, какъ ея Хозяйка, которая, какъ религіозный человѣкъ, восприняла всей душой величественный и обязывающій обрядъ Коронаціи и миропомазанія; около которой выросла такая крѣпкая русская семья, и которой суждено было столько пережить на историческихъ гребняхъ этой своей новой родины.

Протопресвитеръ Шавельскій правильно сказалъ, что „Государыня не только смотрѣла на Россію, какъ на свою вторую родину; она еще вѣрила, что Русская Держава дана ей Богомъ, что для русскаго народа она должна быть доброй, попечительной матерью, и что въ своихъ душевныхъ заботахъ она должна будетъ дать отвѣтъ Богу".

Всецѣло проникнутая идеей русскаго царскаго самодержавія, глубоко православная и вѣрующая, она стала постепенно и глубоко русской. „Императрица восприняла новую родину такъ же, какъ и новую религію всѣмъ рвеніемъ своего сердца, говоритъ П. А. Жильяръ; она была русской по чувству, какъ православной по убѣжденію". „Существо ея натуры, пишетъ по своимъ долголѣтнимъ наблюденіямъ М. Палеологъ: сдѣлалось совершенно русскимъ. Она любитъ Россію горячей любовью. И какъ было не привязаться ей ко второй родинѣ, которая осуществляетъ и олицетворяетъ всѣ ея интересы женщины, супруги, Государыни и матери".

Патріотизмъ, какъ чувство сложное, вырастаетъ и созрѣваетъ въ тишинѣ, въ раздумьяхъ, питаемыхъ окружающей обстановкой и душевными источниками человѣка; но проявляется онъ особенно наглядно въ дни государственныхъ напряженій и потрясеній, бѣдъ и войны, когда каждый истин-

ный гражданинъ призванъ отдать не только свои блага, разумъ и силы, но и свою жизнь родной странѣ. Экзаменъ этого высшаго проявленія патріотизма Государыня, во главѣ всей Царской Семьи, выдержала съ изумляющей міръ стойкостью, прямотой и жертвенностью. „Ты, говорила она Государю, Беби и Россія“ — вотъ ея сокровища.

Въ дни мирнаго царствованія она чувствовала себя дома — только въ Россіи[1]); по своимъ религіозно-патріотическимъ настроеніямъ она любила Московскую Русь, которая чаровала ее силой самодержавія, самобытностью жизни и быта, своеобразіемъ пейзажа и религіозной красивостью. Ей казалось, что вся нетронутость этой жизни сохранялась въ средѣ простого народа, и она горячо любила его, прощая до конца дней всѣ его звѣрства и вѣря въ великія силы добра, заложенныя въ немъ. Она смотрѣла на свою роль Императрицы глубже, нежели спутницы Императора: она помощница его, она соработница въ его великомъ правленіи; но въ дѣла его она не вмѣшивалась, пока не поднялись бури вокругъ него и великой Россіи. Съ первыхъ дней войны она почла себя призванной и со старшими дочерьми вся отдалась дѣлу помощи раненымъ.

Ея ежедневная переписка съ Государемъ обнаруживаетъ ея живой интересъ, а часто и трепетную радость или печаль по поводу дѣйствій нашихъ войскъ на фронтѣ; съ ними — ея горячія молитвы. „Всѣ мысли и молитвы, искренно пишетъ она: съ нашими войсками, и каждое утро набрасываешься на извѣстія“... „Тепло, чудное солнце, дай Богъ, чтобы у нашихъ войскъ была бы та же погода“... „Поздравляю тебя отъ всего сердца со всѣми на-

[1]) „Быть и сознавать себя русскими было не только гордостью и радостью Ихъ Величествъ, свидѣтельствуетъ флигель-адъютантъ Мордвиновъ, но тою необходимостью, безъ которой по ихъ искреннимъ выраженіямъ терялась бы вся прелесть ихъ существованія. Они не понимали для себя возможности жить внѣ Россіи“.

шими успѣхами и со взятіемъ Черновицъ — слава Богу Всемогущему... Да, у насъ въ арміи много героевъ, и, если бы только наши генералы были совершенны, мы бы сдѣлали чудеса... Какъ великолѣпно все, что ты пишешь про Эрзерумъ. Въ самомъ дѣлѣ, чудныя войска!"... „Получила телеграмму отъ командира моего 21-го Сибирскаго полка насчетъ потерь 13-го. Въ самомъ дѣлѣ это ужасно, масса старыхъ офицеровъ убито и множество тяжело раненыхъ. Потомъ я достала карту и донесеніе отъ моихъ Крымцевъ, а сегодняшняя вечерняя газета упомянула о моемъ миломъ полкѣ въ сообщеніи твоего штаба — я такъ горда!"

Въ дни первой Пасхи во время войны, когда „вся природа воскресаетъ и хвалитъ Господа", Государыня передаетъ въ письмѣ свои искреннія чувства о значеніи войны для нашей страны: „Это вдвойнѣ даетъ чувствовать страданія войны и кровопролитія. Но подобно тому, какъ вслѣдъ за зимой шествуетъ лѣто, такъ послѣ страданій и битвы пусть миръ и утѣшеніе найдутъ свое мѣсто въ этомъ мірѣ, и пусть вся ненависть прекратится, и наша возлюбленная страна разовьетъ свою красу во всѣхъ смыслахъ слова. Это новое рожденіе — новое начало, очищеніе души и разума. Только надо ихъ вести по прямому пути и по правильной дорогѣ. Такъ много работы, пусть всѣ храбро работаютъ рука въ руку, помогая, а не препятствуя работѣ во имя единаго великаго дѣла"... „Эта война можетъ имѣть колоссальное значеніе для нравственнаго возрожденія нашей страны"... „Какую массу можно сдѣлать, и мы женщины можемъ такъ много помогать. Наконецъ всѣ проснулись и готовы помогать и работать, — такъ мы будемъ имѣть возможность узнать страну, крестьянъ, губерніи, все лучше и лучше, и быть въ настоящей связи со всѣми... Все идетъ вмѣстѣ, все для народа, въ немъ наша сила, и тамъ есть преданныя Россіи сердца". Какъ мать, она рѣшается въ первые дни войны разстаться съ сыномъ, чтобы онъ —

этотъ „солнечный лучъ“ — сопровождалъ Государя по фронтамъ, бодрилъ войска, согрѣвалъ бойцовъ, оторванныхъ отъ семей.

Вихри революціи срываютъ героическую борьбу нашихъ армій. Царская Семья въ заточеніи; потомъ — дальній Тобольскъ. Государыня безсильна помочь Родинѣ земными дѣлами, и она уходитъ въ горячую молитву о Россіи. Несмотря на все лично пережитое, ея основная рана, непереносимая боль — судьбы Россіи, страданія Родины[1]).

„О, Боже, спаси Россію!“ — вотъ ежедневная молитва Государыни. „Боже, спаси и помоги Россіи“. „Это крикъ души, пишетъ она: днемъ и ночью, все въ этомъ для меня — только не этотъ постыдный, ужасный миръ“... „Бѣдная родина, измучили внутри, а нѣмцы искалѣчили снаружи... Что можетъ быть обиднѣе и унизительнѣе, чѣмъ быть обязаннымъ врагу! Боже спаси“... „Умилосердись надъ родиной многострадальной, Боже, какъ молюсь за ея спасеніе“... „Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, какъ за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на всѣ ужасы теперь и всѣ согрѣшенія. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь изъ моего сердца и Россію тоже, несмотря на черную неблагодарность къ Государю, которая разрываетъ мое сердце, — но вѣдь это не вся страна. Болѣзнь, послѣ которой она окрѣпнетъ. Господь! смилуйся и спаси Россію!“.

Молитвы нарастаютъ; крѣпнетъ вѣра въ то, что болѣзнь пройдетъ, и молодая страна воскреснетъ. „Люди ничего не могутъ. Одинъ Онъ спасетъ, оттого надо безпрестанно Его просить, умо-

---

[1]) „Послѣ революціи, говоритъ Т. Боткина со словъ своего отца, особенно сказалось отношеніе Ея Величества ко всему русскому. Пожелай они, намекни они однимъ словомъ, и Им. Вильгельмъ обезпечилъ бы имъ мирное и тихое существованіе на родинѣ Ея Величества, но, уже будучи въ заключеніи въ холодномъ Тобольскѣ, Ея Величество говорила: „Я лучше буду поломойкой, но я буду въ Россіи“.

лять спасти Родину дорогую, многострадальную... Разъ плохіе вездѣ работаютъ на гибель, пускай хорошіе стараются спасти страну; есть патріоты настоящіе, есть Богъ; мы въ тылу должны молиться всѣми слабыми силами — умолять Его спасти Родину... О, люди, люди! мелкія тряпки, безъ характера, безъ любви къ Родинѣ, къ Богу. Кто свою Родину больше всего любитъ, тотъ не долженъ вѣру потерять въ то, что она спасется отъ гибели; надо непоколебимо вѣрить... Страна молодая — какъ послѣ смертельной болѣзни, организмъ еще больше окрѣпнетъ — такъ и съ дорогой родиной будетъ... Будемъ непрестанно за родину молиться. Христосъ, помилуй мя, грѣшную, и спаси Россію".

Это было непрерывное моленье о ней, и на этомъ фонѣ вѣчныхъ думъ и страданій новой яркой вспышкой пламеннаго патріотизма были у Государыни непереносимыя мученія и мужественное рѣшеніе 12 апрѣля 1918 года: комиссаръ Яковлевъ увозитъ въ неизвѣстномъ направленіи и съ неясными, но гнусно задуманными большевиками цѣлями Государя; Наслѣдникъ тяжело боленъ, и его нельзя везти съ собой; съ кѣмъ быть, отъ кого изъ нихъ оторвать свое сердце, кого покинуть? Исполнить ли долгъ жены, Императрицы или матери?

Запись очевидца такъ передаетъ ея душевную борьбу и муки ея же словами: „Государь уѣзжаетъ. Его увозятъ ночью одного. Этого отъѣзда не должно быть и не можетъ быть. Я не могу допустить, чтобы его увезли одного. Я не могу его оставить въ такую минуту. Его увозятъ одного потому, что они хотятъ его отдѣлить отъ семьи, чтобы попробовать заставить его подписать гадкую вещь подъ страхомъ опасности для жизни всѣхъ своихъ, которыхъ онъ оставитъ въ Тобольскѣ, какъ это было во время отреченія въ Псковѣ. Я чувствую, они хотятъ его заставить подписать миръ въ Москвѣ. Нѣмцы требуютъ этого, зная, что только миръ, подписанный Царемъ, можетъ имѣть силу и цѣнность въ Россіи. Мой долгъ не допустить этого и

не покинуть его въ такую минуту. Вдвоемъ легче бороться, чѣмъ одному, и вдвоемъ легче перенести мученья, чѣмъ одному. Но вѣдь я не могу оставить Алексѣя. Онъ такъ боленъ. Я ему такъ нужна. Что будетъ съ нимъ безъ меня? Боже мой, какая ужасная пытка... Въ первый разъ въ жизни я не знаю, что мнѣ дѣлать"[1]).

И она, больная, столько пережившая мученій, нашла въ себѣ душевныя силы принять достойное ея, Императрицы Всероссійской, рѣшеніе: она не оставитъ Государя.

„Безъ слезъ нельзя читать ея страстной мольбы, говорилъ А. И. Купринъ: „только бы устоять передъ соблазномъ, только бы не дрогнуть духомъ, только бы сохранить сердце чистое и крѣпкое." И тутъ уже она не бывшая нѣмецкая принцесса, не докторъ философіи, а русская женщина и русская Царица въ трагическомъ и героическомъ простомъ освѣщеніи".

Преклоните колѣна, русскія женщины, жены, матери, честные русскіе люди предъ ея страданіями и подвигомъ: предъ вами героиня древнихъ, мужественныхъ временъ; величавая сила человѣческаго духа, которая восхищаетъ; женщина, патріотизмъ которой воспаряетъ надъ чувствами жены и долгомъ матери.

Она вмѣстѣ съ Государемъ идетъ на послѣднюю борьбу. И на послѣднюю жертву. Ибо смерть, какъ знала она, бываетъ иногда плодоноснѣе жизни.

И такая смерть, какую затѣмъ на своей Родинѣ и во имя ея пріяли царственные мученики, побѣждаетъ смерть.

Не скоро еще наступитъ время для исторической оцѣнки личности и дѣлъ Государыни Импера-

---

[1]) Камеръ-юнгфера М. Г. Тутельбергъ вспоминаетъ Государыню въ эти минуты: „Она страшно убивалась. — „Вы знаете, сказала Государыня: что такое для меня сынъ. А мнѣ приходится выбирать между сыномъ и мужемъ. Но я рѣшила, и надо быть твердой. Я должна оставить мальчика и раздѣлить жизнь или смерть мужа".

трицы. Но уже первыя посвященныя ей изслѣдованія ярко говорятъ о ея дѣйственной и глубокой любви къ ея великой новой Родинѣ — Россіи.

„Образъ дѣйствій Императрицы былъ вдохновленъ самыми благородными побужденіями — любовью къ мужу и ко второй родинѣ, которая ее усыновила", говоритъ англійскій посолъ Бьюкененъ.

„Она любитъ Россію горячей любовью", свидѣтельствуетъ М. Палеологъ.

„Россію, простой народъ, солдатъ возлюбила всѣмъ сердцемъ.

Новую свою родину стремилась изучить и принести ей посильную пользу.

Враговъ своего народа ненавидѣла, солдату служила, какъ простая сестра милосердія.

Когда девятый валъ накатился на монархію, она не пряталась, а приняла ударъ полной грудью.

Что еще можно требовать отъ человѣка?"[1]).

---

[1]) П. М. Стремоуховъ.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦІИ

„Подвигъ есть и въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣніи,
Любви и мольбѣ".

А. Хомяковъ.

Въ тѣ минуты, когда графъ Пурталесъ передавалъ Сазонову объявленіе войны Германіей Россіи, Государыня вмѣстѣ съ Царской Семьей была у всенощной въ маленькой Александрійской церкви. Она знала про исключительную серьезность положенія; ея лицо было скорбно, выражая глубокія страданія; она горячо молилась, какъ бы стараясь отвести грозящую опасность. Долго въ тотъ вечеръ ожидала въ столовой Государя; наконецъ, онъ взволнованный пришелъ и сообщилъ, что война объявлена. Государыня разрыдалась.

На слѣдующій день Ихъ Величества пережили въ Петербургѣ небывало-величественныя патріотическія манифестаціи; когда Государыня проходила по заламъ Зимняго дворца, то возбужденная публика, забывъ этикетъ, цѣловала ея руки, платье, а по красивому одухотворенному лицу Государыни текли слезы радости. Она не скрывала въ тѣ дни своего негодованія противъ Вильгельма II: „Я никогда не любила его за его неискренность, онъ всегда игралъ комедію и онъ такъ тщеславенъ. Онъ меня по-

стоянно упрекалъ въ томъ, что я ничего не дѣлаю для Германіи, и все пустилъ въ ходъ, чтобы разъединить Россію съ Франціей. Эту войну онъ мнѣ не проститъ!... Я ничего не знаю о моемъ братѣ. Гдѣ онъ? Я дрожу при мысли, какъ бы Имп. Вильгельмъ изъ мести ко мнѣ не послалъ его противъ Россіи. Ахъ! какой ужасъ война! сколько бѣдствій, сколько страданій!... Борьба будетъ ужасна, чудовищна, и человѣчество идетъ навстрѣчу невообразимымъ страданіямъ..."

Почитая себя призванной, какъ и всѣ въ странѣ, она вызвала въ себѣ всѣ благія силы души, вооруживши себя ими для борьбы за жизнь тѣхъ, кому она служила въ госпиталяхъ и лазаретахъ, за свою семью, за Государя и за Россію.

Несмотря на недомоганія, она стала во главѣ широкой благотворительной дѣятельности тыла: подъ ея предсѣдательствомъ работалъ Верховный Совѣтъ по призрѣнію семействъ раненыхъ и павшихъ воиновъ; она открыла рядъ лазаретовъ, эвакуаціонныхъ пунктовъ, мастерскихъ по шитью бѣлья для солдатъ; оборудовала санитарные поѣзда; совершала со старшими дочерьми поѣздки по Россіи, посѣщая госпиталя, раненыхъ. Кромѣ того, ради благого примѣра, она со старшими дочерьми прошла кратковременные курсы ухода за ранеными въ Царскосельской общинѣ[1]) и затѣмъ безъ устали работала въ госпиталяхъ, какъ простая хирургическая сестра.

Утромъ Государыня бывала обычно въ одной изъ Царскосельскихъ церквей (чаще у Знаменья), затѣмъ — въ Дворцовый госпиталь, гдѣ сейчасъ же приступала къ операціонной работѣ[2]); стоя за

---

[1]) Два часа въ день занималась съ хирургомъ княжной Гедройцъ, а затѣмъ — практическія работы въ лазаретѣ при дворцовомъ госпиталѣ.

[2]) Государыня ежедневно писала: „Я сегодня работала совсѣмъ одна, безъ сестры или доктора..." „Княжна Гедройцъ рада, что мы дѣлаемъ все основательно. Это вѣдь не игра..." „У насъ было страшно много дѣла въ

хирургомъ, Государыня подавала бинты, инструменты; перевязывала раны, уносила ампутированныя части. „Наша работа въ госпиталѣ — мое утѣшеніе“, писала она. „А какъ много горя кругомъ! Слава Богу, что мы имѣемъ возможность, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, облегчить ихъ страданія. Такъ хочется согрѣть ихъ и помочь имъ...“ „Хотѣла бы дать все, что только можемъ, всѣмъ бѣднымъ раненымъ съ легкими и тяжкими ранами одинаково любовно“. Когда прибывали санитарные поѣзда, Государыня и старшія дочери, въ формѣ сестеръ милосердія[1]), ни на минуту не присаживаясь, часто, отъ 9 ч. до 3 ч. дня, дѣлали перевязки, утѣшали, ободряли. Кромѣ того, у Государыни почти ежедневно были доклады секретаря Ростовцева („Читала массу бумагъ“) и срочные пріемы. Наскоро позавтракавъ, почти всегда съ запозданіемъ, Государыня ѣхала затѣмъ посѣтить госпитали или въ Петербургѣ — склады, мастерскія, засѣданія. Она любила посѣщать больныхъ, она была „врожденной сестрой милосердія“[2]). „Вижу, говоритъ А. Вырубова, какъ она утѣшаетъ и ободряетъ ихъ, кладетъ руку на голову и молится съ ними. Императрицу боготворили, ожидали ея прихода, стараясь дотронуться до ея сѣраго санитарнаго платья; умирающіе просили ее посидѣть возлѣ кровати, и она, не взирая на усталость, успокаивала ихъ цѣлыми часами“. Каждому раненому она надѣвала иконку[3]). Они

лазаретѣ: я перевязала 11 новыхъ, которые всѣ тяжело ранены...“ „ Я передавала инструменты во время операціи и чувствовала себя счастливой, что опять могу работать...“

[1]) „Простыя сестры, описываетъ она Государю: въ синихъ ситцевыхъ платьяхъ“, а затѣмъ шутливо его утѣшаетъ: „Но пока мы будемъ съ тобой въ Гроднѣ, будемъ иначе одѣваться, чтобы ты не конфузился, разъѣзжая съ сестрой“.

[2]) Въ Вильно епископъ назвалъ ихъ „милосердными сестрами“, а Государыню — „милосердная мать“.

[3]) „Я обнаружила, писала Государыня, санитарный поѣздъ; мы быстро вышли, поднялись на вокзалъ. 12 человѣкъ лежало удобно, пили чай при свѣтѣ свѣчки. Я

Августѣйшія Сестры милосердія:
Императрица Александра Ѳеодоровна, и Великія Княжны
Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна.

встрѣчали ее, какъ Ангела. Въ то же время она не забывала и бойцовъ на фронтѣ, куда, сама приготавливая и собирая, отправляла массу подарковъ и теплыхъ вещей[1]). Эта лихорадочная дѣятельность несказно утомляла ее[2]), но она не жалѣла себя.

А въ то же время ее заботили и близкія тревоги: съ самаго начала войны въ долгія поѣздки на фронтъ сталъ отлучаться изъ семьи Государь, а съ октября 1915 года ей пришлось разстаться, ради утѣшенія Государя и войскъ, со своимъ солнечнымъ лучомъ, любимымъ Наслѣдникомъ. Ежедневныя тревоги за нихъ. Иногда — выѣзды съ дочерьми въ Ставку на короткое свиданіе. А передъ самой революціей, когда кругомъ было столько злобы, клеветы, когда пришлось пережить столько страданій, борьбы, — утѣшеніемъ („такъ восхитительно и такой отдыхъ и теплота для души") явилась поѣздка въ древній Новгородъ съ его памятниками и святынями. Тамъ, въ Десятинномъ монастырѣ, 107-лѣтняя старица благословила Государыню, поцѣловала и сказала ей: „А ты, красавица — тяжелый крестъ — не страшись..." Будто предвидѣла ближайшее грядущее.

Оно надвинулось нежданно, и для Государыни — очень тяжело. 23 февраля 1917 г. Государь отбылъ въ Ставку, оставивъ дома только что заболѣвшаго корью Наслѣдника. Въ Александровскомъ царскосельскомъ дворцѣ съ больными дѣтьми осталась

всѣхъ видѣла и дала иконы — 400. Я извинилась, что разбудила ихъ. Они поблагодарили насъ, что мы зашли, были въ восторгѣ, веселыя, улыбающіяся лица..."

[1]) „Потомъ я сортировала книжки, Евангелія, молитвы, которыя везу къ морякамъ, сладости и кіевское варенье для офицеровъ. Можетъ быть, я найду еще какія-нибудь теплыя вещи".

[2]) „Да, Богъ помогъ мнѣ съ моимъ здоровьемъ, и я держусь, хотя временами просто до смерти устаю. Но моя воля крѣпка..." „Временами я чувствую, что больше не могу, и тогда накачиваюсь сердечными каплями, и опять работа идетъ".

Государыня. Одинокая[1]), перестрадавшая, но сильная духомъ, она переживала у постели больного сына часы невыразимой тревоги, одни изъ самыхъ тяжелыхъ дней своей жизни, ибо ея душа разрывалась въ горестныхъ порывахъ между тремя ея сокровищами, бывшими въ большой бѣдѣ — Государемъ, Беби и Россіей.

Вспыхнули безпорядки въ Петроградѣ, положеніе становилось критическимъ. Одна за другой заболѣли корью три великихъ княжны. Государыня все время была въ дѣтскихъ комнатахъ. Но вотъ взбунтовался и царскосельскій гарнизонъ; изъ дворца были слышны выстрѣлы въ городѣ. Послѣ 9 ч. вечера 28 февраля Государыня съ нѣсколькими близкими людьми увидѣла изъ окна, что дворецъ окружаютъ вѣрныя части (Своднаго полка, конвоя, Гвардейскаго экипажа и др.); ограда парка приводится въ боевую готовность, а по телефону сообщаютъ, что мятежники съ пулеметами, грозя все разнести, толпами идутъ ко дворцу. Ружейные выстрѣлы все приближались; кровопролитіе казалось неизбѣжнымъ. Втихомолку, накинувъ бѣлый платокъ, въ сопровожденіи своей опоры въ тѣ дни, самоотверженной дѣвушки, семнадцатилѣтней Великой Княжны Маріи Николаевны[2]), Государыня вышла къ войскамъ, чтобы предотвратить кровопролитіе. „Я иду къ нимъ не какъ Государыня, а какъ простая сестра милосердія моихъ дѣтей“, сказала она. До 12 ч. ночи, по холоду, онѣ обходили солдатъ, ободряли ихъ словами и лаской, забывая, казалось, о страшной опасности. Государыня умоляла вступить въ переговоры съ мятежниками и сохранить спокойствіе. Мужество и энергія Государыни побѣдили: начались переговоры, возбужденіе пало.

---

[1]) Государыня была совсѣмъ одна въ нижнемъ этажѣ дворца.

[2]) Великая Княжна простудилась и была потомъ при смерти.

Третьи сутки Государыня была безъ вѣстей о Государѣ[1]). „Мука Императрицы, свидѣтельствуетъ П. Жильяръ, въ эти дни смертельной тревоги, когда, безъ извѣстій отъ Государя, она приходила въ отчаяніе у постели больного ребенка, — превзошла все, что можно себѣ вообразить[2]). Она дошла до крайняго предѣла силъ человѣческихъ: это было послѣднее испытаніе, изъ котораго она вынесла то

---

[1]) Телеграммы Государыни Государю возвращались ей съ надписью синимъ карандашомъ, что мѣстопребываніе „адресата“ неизвѣстно.

[2]) Интересны воспоминанія княгини Елены Петровны (дочери сербскаго короля Петра I, жившей тогда въ Павловскѣ) о посѣщеніи съ королевой эллиновъ Ольгой Константиновной 1-го марта одинокой Государыни: „Царица оказала намъ любезный пріемъ. Она намъ повторила о ея тревогахъ по поводу болѣзни ея дѣтей. Она была въ большомъ безпокойствѣ, такъ какъ находилась одна въ этомъ обширномъ дворцѣ, а отряды, которымъ была ввѣрена ея охрана, поддаваясь революціоннымъ призывамъ изъ столицы, предались на сторону возставшихъ и покидали свои посты. Затѣмъ она сказала намъ, что не имѣетъ никакихъ извѣстій отъ Царя. Императрица ему послала письмо съ флигель-адъютантомъ Линевичемъ, которому было поручено поѣхать въ автомобилѣ и передать письмо Царю; но Линевича по дорогѣ арестовали и заключили въ тюрьму. Взволнованная, я не могла понять, какъ она, Императрица Россійская, находится въ невозможности переписываться съ Царемъ. Боже! Какъ было возмутительно, что мы дошли до этого. Разговоръ продолжался еще нѣкоторое время. Мужество Царицы было полно достоинства. Хотя у нея были мрачныя предчувствія о судьбѣ ея царственнаго супруга и боязнь за своихъ дѣтей, Императрица поразила насъ своимъ хладнокровіемъ. Это спокойствіе могло быть свойственно англійской крови, которая текла въ ея жилахъ. Въ эти трагическіе часы она ни одного раза не обнаружила слабости, и какъ мать и супруга она пережила въ эти минуты все, что могла чувствовать мать и женщина.

Между тѣмъ она не забывала своего положенія Императрицы. Она жила Царицей, умерла Императрицей.

Въ этотъ день я послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ въ Царскомъ Селѣ видѣла русскую Царицу. Но ея лицо останется навсегда выгравированнымъ въ моей памяти, т. к. въ подобные часы человѣческія существа показываются таковыми, каковы они есть, а великія души проявляются дѣйствительно великими“.

изумительно свѣтлое спокойствіе, которое потомъ поддерживало ее и всю ея семью до дня ихъ кончины".

Страшное горе у Государыни вызвало извѣстіе объ отреченіи Государя („Мама убивалась", говорила Вел. Кн. Марія Николаевна). „Ты знаешь, сказала Императрица одной изъ приближенныхъ: съ отреченіемъ Государя все кончено для Россіи, но мы не должны винить ни русскій народъ, ни солдатъ: они не виноваты".

8-го марта генералъ Корниловъ объявилъ Государынѣ, что она арестована[1]) (почему, за что? кѣмъ?).

А 9-го утромъ, наконецъ-то, смогъ пріѣхать къ семьѣ Государь. Узнавъ объ этомъ, Государыня радостная выбѣжала ему навстрѣчу. „Какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка (передаетъ очевидица) быстро спустилась съ лѣстницы, бѣжала по длиннымъ коридорамъ. Въ эту первую минуту радостнаго свиданія, казалось, все пережитое было позабыто. Когда затѣмъ Ихъ Величества остались одни, они рыдали. Все же теперь они были вмѣстѣ — сплоченная любовью семья. „Это, говоритъ П. Жильяръ, облегчало ихъ скорбь, и громадная любовь, которую они испытывали другъ къ другу, давала имъ достаточно силъ, чтобы перенести всѣ страданія".

---

[1]) При этомъ арестѣ присутствовало только одно лицо (новый начальникъ караула полк. Кобылинскій). Государыня приняла ихъ въ одной изъ комнатъ дѣтской половины. Корниловъ сказалъ: „Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вамъ постановленіе Совѣта Министровъ, что Вы съ этого часа считаетесь арестованной". Оставшись съ Императрицей наединѣ, Корниловъ старался успокоить ее и убѣждалъ, что семьѣ не грозитъ ничего худого.

ВЪ ЗАТОЧЕНЬИ

„Пошли намъ, Господи, терпѣнье
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей".

Лишенія, издѣвательства, насилія и ужасы...

Они начались съ первыхъ же дней заключенія. Такъ какъ, во-первыхъ, былъ установленъ для заключенныхъ почти арестантскій режимъ; во-вторыхъ, его осуществленіе давалось въ руки случайныхъ, часто грубыхъ, распущенныхъ, глупыхъ и наглыхъ людей; въ третьихъ, въ началѣ апрѣля Государь былъ отдѣленъ временно отъ Государыни („8-го апрѣля. Послѣ обѣдни Керенскій объявилъ Государю, что принужденъ разлучить его съ Государыней, что онъ долженъ будетъ жить отдѣльно и видѣться съ Ея Величествомъ только за столомъ и подъ условіемъ, что они будутъ разговаривать исключительно по-русски. Чай они могутъ пить вмѣстѣ, но въ присутствіи офицера").

„Государыня, вспоминаетъ П. Жильяръ, проводила почти все свое время на кушеткѣ въ комнатахъ дѣтей. Волненія и жгучая тревога физически истощили ее, но съ возвращеніемъ Государя она почувствовала нравственное успокоеніе; она жила очень сильной внутренней жизнью и мало разговаривала, уступая, наконецъ, той повелитель-

ной потребности въ отдыхѣ, которая такъ давно ощущалась ею. Она была счастлива, что не приходится больше бороться, и что она можетъ всецѣло посвятить себя тѣмъ, кого любила такою великой любовью".

Полонъ тяжелой грусти и горькихъ обидъ былъ вынужденный отъѣздъ изъ Царскаго Села, съ которымъ связано для Государыни столько воспоминаній.

Въ Тобольскѣ, въ домѣ губернатора, у Государыни была уютная комната[1]) (гостиная), въ которой она, по болѣзни, провела большую часть заточенія, и гдѣ всѣ[2]) спасались въ дни холодовъ. Государыня обычно не покидала своей комнаты до завтрака. Въ эти часы она или преподавала дѣтямъ Законъ Божій, языки, или занималась рукодѣліемъ, живописью, чтеніемъ. „Занята цѣлый день", говоритъ Государыня въ одномъ изъ многихъ писемъ изъ Тобольска: „уроки начинаются въ 9 час. (еще въ постели), встаю въ 12 часовъ; потомъ шью, вышиваю, рисую цѣлый день съ очками, глаза ослабѣли, читаю „хорошія книги", люблю очень Библію и время отъ времени романы... Пишу отдыхая до обѣда, каминъ горитъ (холодъ 23 гр., и въ комнатахъ мерзнемъ, дуетъ), маленькая собачка „Jimmy" рядомъ, пока ея хозяйка (Вел. Кн. Татьяна) на роялѣ играетъ..." „Я своимъ людямъ тоже дѣлаю, все теперь нужно. У Папы брюки страшно заштопаны тоже, рубашки у дочекъ въ дырахъ"... Обѣдала Государыня чаще всего у себя съ Наслѣдникомъ, чтобы не спускаться внизъ, въ столовую, такъ какъ все время жаловалась на сердце. Иногда оставаясь одна въ домѣ, она играла на піанино и

---

[1]) На верхнемъ этажѣ, первая комната по коридору отъ зала, направо; рядомъ — спальня Ихъ Величествъ.

[2]) Кромѣ Царской Семьи, ген.-ад. Татищевъ, кн. Долгоруковъ, лейбъ-медикъ Боткинъ, фрейлина гр. А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдеръ, П. А. Жильяръ, С. И. Гиббсъ. Позже — фрейлина баронесса С. К. Буксгевденъ.

пѣла. „Вечера проводимъ со всѣми вмѣстѣ, въ карты играемъ“ (одну-двѣ партіи въ безикъ съ ген.-ад. Татищевымъ); „иногда онъ (Государь) читаетъ вслухъ, и я вышиваю. Очень занята весь день заготовкой къ Рождеству...“ „Часто почти не сплю, пишетъ Государыня, тѣло мнѣ не мѣшаетъ, сердце лучше, такъ какъ я очень спокойно живу и безъ движеній, была страшно худа... волосы тоже быстро сѣдѣютъ. Духъ у всѣхъ семи бодръ. Господь такъ близокъ, чувствуешь Его поддержку...“ „Мирно на душѣ, хотя страдаешь сильно, сильно за родину... ничего больше рѣшительно не понимаешь — всѣ съ ума сошли...“

24-го декабря священникъ пришелъ служить всенощную на-домъ; всѣ собрались въ большой залѣ, гдѣ зажглась елка; были на ней, кромѣ прислуги, и солдаты охраны; всѣ получили въ подарокъ какую-либо полезную вещь (шапки, перчатки, шерстяные жилеты и пр.) собственной работы Ея Величества и дочерей.

Съ начала марта Царскую Семью переводятъ на солдатскій паекъ. „Ихъ Величества, говоритъ Жильяръ, несмотря на жгучую тревогу, растущую со дня на день, сохраняютъ надежду, что среди вѣрныхъ имъ людей найдется нѣсколько человѣкъ, которые попытаются ихъ освободить. Однако Государыня при этомъ говорила: „Я ни за что на свѣтѣ не хочу покидать Россіи, такъ какъ мнѣ кажется, что, если бы намъ пришлось уѣхать за границу, — это значило бы порвать послѣднюю нить, связывающую насъ съ прошлымъ; мнѣ кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно“.

Всѣми покинутые, Ихъ Величества должны были пережить страшные дни 11-13 апрѣля, когда Они съ Великой Княжной Маріей Николаевной должны были ѣхать съ комиссаромъ Яковлевымъ въ неизвѣстномъ направленіи изъ Тобольска.

Представьте же переживанія этой несчастной, одиноко боровшейся семьи, которую насильно раз-

лучали таинственныя мерзкія силы. Родителямъ предстояло опасное путешествіе на лошадяхъ въ распутицу (вотъ-вотъ долженъ былъ тронуться Иртышъ); больныя дѣти оставались въ заключеніи въ чужомъ городѣ. Приближался великій праздникъ Пасхи, столь чтимый Царской Семьей. И вновь эта великая духомъ Семья проявила свою изумительную стойкость и высоту. „Ея Величество, вспоминаетъ Т. Боткина, лежала у себя на кушеткѣ, и слезы градомъ текли по ея лицу, но когда она вышла прощаться, то выраженіе ея было доброе и ласковое, дѣйствующее на всѣхъ ободряюще".

Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексѣя Николаевича. Около 4 ч. утра Ихъ Величества выходятъ изъ комнаты Алексѣя Николаевича. Государыня проситъ Жильяра не сходить внизъ и остаться при Алексѣѣ Николаевичѣ. „Я отправляюсь къ нему, говоритъ Жильяръ: онъ плачетъ въ своей кровати".

Свѣтало, когда были поданы сибирскія „кошевы"[1]); появилось много вооруженныхъ солдатъ. Государыня и Великая Княжна Марія были въ легкихъ шубкахъ, поэтому лейбъ-медикъ Боткинъ предложилъ имъ свою доху. Въ первомъ возкѣ — солдаты, потомъ Государь, опять солдаты; за ними троечный крытый возокъ, въ глубинѣ котораго виднѣлась фигура Государыни и красивое улыбающееся личико Великой Княжны. Дорога (285 верстъ) оказалась ужасной, а ѣхали съ бѣшеной скоростью. Гдѣ вода покрывала мосты, узники шли пѣшкомъ. Отъ Тюмени поѣздъ (Государыня была отдѣлена отъ Государя) метался въ разныхъ направленіяхъ и, наконецъ, былъ задержанъ большевиками у Екатеринбурга. Государыня съ Великой Княжной въ сопровожденіи чекистовъ въ автомобилѣ была вслѣдъ за Государемъ, отвезена въ домъ Ипатьева;

---

[1]) Ужаснѣйшія повозки: плетеная корзинка на длинныхъ жердяхъ; сидѣній нѣтъ; сидятъ или лежатъ на днѣ. Государынѣ постелили матрацъ.

тамъ они были нагло обысканы[1]). Государыня въ день пріѣзда на косякѣ окна своей комнаты[2]) нарисовала свой индійскій знакъ свастики и рядомъ: „17/30 Апр. 1918 г.“. О первыхъ дняхъ пребыванія въ этомъ домѣ-тюрьмѣ Государыня писала, что „ихъ поселили въ двухъ комнатахъ; что имъ тѣсно; гуляютъ лишь въ маленькомъ садикѣ; городъ пыльный“. Государыня не ѣла приносимыхъ изъ совѣтской столовой обѣдовъ; вѣрный матросъ, лакей Великихъ Княженъ И. Д. Сѣдневъ готовилъ ей макароны на спиртовкѣ (онъ удивлялся, чѣмъ была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами). Почти черезъ мѣсяцъ (10 мая) прибыли остававшіеся въ Тобольскѣ Наслѣдникъ и Великія Княжны. Это была послѣдняя радость этой изумительной Семьи послѣ всего пережитаго, среди шайки наглыхъ, разнузданныхъ, мерзкихъ людей, при полной неизвѣстности, въ чужомъ отрѣзанномъ отъ міра домѣ[3]). Два мѣсяца затѣмъ они прожили среди издѣвательствъ и непрерывныхъ страданій. Бѣдной Государынѣ, какъ матери, съ особенной болью пришлось переживать тѣ оскорбленія и глумленія, которымъ подвергались Великія Княжны, какъ дѣвушки.

Постепенно даже озвѣрѣлые охранники были поражены той силой истинно-христіанскаго сми-

---

[1]) „Раскрывали флаконы Государыни, нюхали ихъ. Одинъ изъ чекистовъ выхватилъ ридикюль изъ рукъ Государыни“...

[2]) Въ этой комнатѣ помѣщались Ихъ Величества, а позднѣе и Наслѣдникъ. Это угловая квадратная (8×8) комната съ 2 окнами на Вознесенскій проспектъ и 2 — въ переулокъ; одноцвѣтные блѣдно-палевые обои; столики, этажерка, гардеробъ, умывальникъ...

[3]) „Невольно вспоминается сердечное признаніе Государыни въ одномъ изъ ея писемъ о дѣтяхъ: „Они дѣлили всѣ наши душевныя волненія... Крошка чувствуетъ такъ много своей маленькой чуткой душой — никогда не буду въ состояніи поблагодарить Бога достаточно за ту чудесную милость, которую Онъ мнѣ далъ въ тебѣ и въ нихъ. Мы одно“.

ренія, тѣмъ проявленіемъ простоты и кротости, съ которыми вся Царская Семья переносила мучительное заключеніе. Государыня, а съ ней и вся семья возвысились до переживаній мучениковъ; ихъ крѣпила горячая вѣра, дававшая имъ столько силъ и столько ясности въ страданьяхъ.

Государыня рѣдко выходила на предоставленныя узникамъ краткія прогулки; она читала (главнымъ образомъ книги духовнаго содержанія, привезенныя съ собой), вышивала, вязала. У нихъ была общая молитва; часто она съ дочерьми пѣла[1]) духовныя пѣснопѣнія.

20 мая и 1 іюля священникъ Сторожевъ съ діакономъ отслужили въ залѣ дома, по просьбѣ Ихъ Величествъ, обѣдницу. Государыня сидѣла въ креслѣ рядомъ съ кресломъ Наслѣдника, бодро и твердо вставая каждый разъ, когда это требуется по ходу богослуженія.

„По чину обѣдницы, вспоминалъ о. Сторожевъ, положено прочесть молитву „Со святыми упокой". Почему-то діаконъ запѣлъ эту молитву, сталъ пѣть и я, но едва мы запѣли, какъ я услышалъ, что стоявшіе позади меня члены семьи Романовыхъ опустились на колѣна..."

Послѣ этого Государыню видѣли только уборщицы, мывшія полы въ домѣ Ипатьева 2 іюля.

Настроеніе семьи за послѣдніе дни было особенно тяжелымъ (унынія все же не было, ибо это была чистая христіанская семья); всѣхъ томило какое-то инстинктивное предчувствіе.

Несмываемое позорнѣйшее преступленіе, одно изъ величайшихъ преступленій во всемірной исторіи, было совершено въ ночь на среду, 4 іюля 1918 года.

---

[1]) „Мнѣ приходилось слышать, свидѣтельствовалъ охранникъ Якимовъ, духовныя пѣснопѣнія. Пѣли они Херувимскую пѣснь. Но пѣли они и какую-то свѣтскую. Словъ ея я не разобралъ, а мотивъ ея былъ грустный. Это былъ мотивъ пѣсни „Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной". Слышались одни женскіе голоса".

Его обстановка общеизвѣстна.

Государыня погибла вмѣстѣ со всей мученической Семьей[1]).

Послѣ ошеломившаго всѣхъ бывшихъ съ ней заявленія палача Юровскаго о предстоящемъ разстрѣлѣ, Государыня успѣла перекреститься. Она была убита сразу, почти одновременно съ Государемъ. Богъ послалъ ей счастье не слышать стоновъ Наслѣдника и криковъ раненой Великой Княжны Анастасіи.

Вѣками русскій народъ будетъ истово молиться о убіенныхъ и умученныхъ Государѣ Императорѣ и супругѣ его, благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „Учини я въ раи, идѣже лица святыхъ, Господи, и праведницы сіяютъ яко свѣтила".

---

[1]) При раскопкахъ на мѣстѣ сожженія труповъ на рудникѣ въ Урочищѣ Четырехъ Братьевъ были найдены, среди прочаго, слѣдующія вещи, принадлежавшія Государынѣ и бывшія въ моментъ убійства на ней:

Серьга съ жемчугомъ (любимыя Государыни); значекъ л.-гв. Уланскаго полка, шефомъ котораго была Государыня; образки, часть брошки (съ брилліантомъ). Крестъ платиновый (съ изумрудами, жемчугами и брилліантами)— подарокъ Вдовствующей Императрицы; брилліантъ — часть украшенія, подарокъ Его Величества; стекло отъ очковъ; куски ея платья; драгоцѣнные камни.

ЦАРИЦА — МУЧЕНИЦА*)

„Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилась!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла".

Некрасовъ.

Изъ тихаго, мирнаго, маленькаго Дармштадта она была возведена судьбой на царственныя вершины громадной Имперіи въ самые величавые и страшные годы ея исторіи, и это создало Государынѣ труднѣйшій жизненный путь. Однако судьба его еще усложнила ниспосланными ей страданіями. И въ нихъ особенно — она не осталась маленькой провинціальной нѣмецкой принцессой, а нашла въ глубинахъ своей богато одаренной натуры силы, претворившія ее въ подлинную русскую Императрицу, съ величайшимъ достоинствомъ и въ ореолѣ высокаго жертвеннаго подвига прошедшую свой крестный путь.

---

*) Знаменательно, что въ то время, когда печаталась эта книга, Почаевской типографіей изданъ очеркъ изъ эпохи гоненій на христіанъ (житіе Царицы-Мученицы Александры), также посвященный свѣтлой памяти умученной Русской Царицы, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Прекрасной юной принцессой прибыла она въ Россію, всѣмъ сердцемъ полюбивъ Наслѣдника русскаго престола. Но уже на этихъ первыхъ шагахъ, въ дни ея личнаго счастья, судьба ниспослала ей печальныя переживанія траура ея новой родины и великое личное горе того, кого она, теперь уже русская Великая княжна Александра Ѳеодоровна, такъ любила.

Юными, неподготовленными и неопытными (а она — въ совершенно непривычной ей обстановкѣ самаго пышнаго европейскаго Двора) вступили они на престолъ и могли тогда же воскликнуть: „Боже! Защити насъ, сохрани насъ; мы слишкомъ молодыми начали царствовать!“

Образованная, даровитая, одаренная прекрасными нравственными качествами, прямая и искренняя, она восприняла свою новую родину такъ же всѣмъ сердцемъ, какъ и новое вѣроисповѣданіе.

Россія, русская культура, съ ея вѣковымъ укладомъ, завоевали свою новую Государыню: изъ Гессенской принцессы, представительницы западноевропейскаго просвѣщенія и культуры, она стала глубоко-русской, глубоко православной и всецѣло проникнулась идеей самодержавной власти. „Она выдѣляется будто на византійскомъ фонѣ древней Руси“, говорилъ М. Палеологъ.

Дѣятельная и преданная долгу, она хотѣла съ первыхъ дней стать вѣрной и стойкой помощницей своего мужа, Императрицей Всероссійской, „во еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божьей“.

Но она съ первыхъ же шаговъ встрѣтила непривѣтливую холодность Двора, пустоту свѣтской жизни; очень застѣнчивая, не владѣвшая тогда еще въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, она поневолѣ замыкалась въ себѣ, а это принимали за холодность и надменность, и ея горячіе порывы къ широкой дѣятельности, къ дѣятельному добру невольно гасли, а то добро, которое она самоотверженно, необычайно скромно, совершенно невѣдомо, но щедрой

рукой и любящимъ сердцемъ творила, — никогда не кричало о себѣ.

Всю глубину и нѣжность своего сердца она отдала прежде всего мужу и дѣтямъ, семьѣ, гдѣ она жила полной жизнью и испытала истинное счастье, выполняя исполненный глубокой мудростью завѣтъ Достоевскаго: „Быть доброй женой и, особенно, матерью, это вершина назначенія женщины".

Но и здѣсь судьба послала ей тягчайшее испытаніе въ наслѣдственной тяжелой болѣзни чуднаго сына ея, Наслѣдника Престола. Она напрягла на борьбу съ недугомъ всѣ свои силы, не жалѣя ихъ и расходуя съ изумительной энергіей и мужествомъ; всѣ силы научныхъ знаній, и въ концѣ концовъ возложила всѣ пламенныя надежды свои на всемогущаго и всемилостивѣйшаго Бога. И хотя вся борьба ея, всѣ надежды и средства касались прежде всего личной жизни Царской Семьи, злобная, нарочитая и корыстная клевета окружающей среды и революціонныхъ круговъ общества услужливо и преднамѣренно вмѣшивалась въ нее, порождала легенды, стараясь очернить всегда кристально чистую Императрицу, мѣтя черезъ нее въ ея семью, Государя и особенно — въ установленный государственный строй.

Общество, всегда и вездѣ жаждущее слуховъ и сплетенъ о жизни коронованныхъ особъ, забывая, что у Царской Семьи тоже было право на неприкосновенную личную жизнь, безпощадно и безпровѣрочно ловило и муссировало вздорные слухи и клевету, создавая то роковое одиночество и обреченность Царской Семьи, которыя Государыня рано почувствовала и съ которыми вступила въ борьбу, — какъ всегда, со всей страстной горячностью своей натуры.

Руководствуясь всегда самыми благородными побужденіями, искренно желая блага народу и родной странѣ, она боролась при этомъ во имя самаго ей дорогого — Государя, Сына и Россіи.

„Я знаю, что я тебя безпокою", писала она въ концѣ 1916 года: „ахъ, развѣ бы я не писала гораздо, гораздо охотнѣе про любовь свою, про нѣжность и ласки, которыми полно мое сердце, — но мой долгъ, какъ жены и матери, и матери Россіи, заставляетъ меня сказать тебѣ все это... любимый мой, солнце жизни моей... будь Властелиномъ, и всѣ преклонятся передъ тобой..."

Неисповѣдимыми путями Божьими нашей великой странѣ и Государынѣ ниспослано было затѣмъ, у вратъ побѣды, тягчайшее испытаніе въ вихрѣ, пламени и звѣриномъ обликѣ революціи.

Она мужественно встрѣтила эти дни, одинокая, среди тяжело больныхъ дѣтей, передъ лицомъ вооруженныхъ, пылавшихъ ненавистью, распропагандированныхъ толпъ и войскъ.

„Временное правительство, говоритъ слѣдователь Н. Соколовъ, арестовавъ Царя и Царицу, отобрало ихъ документы, перерыло архивы дворцовъ, допросило множество лицъ и, продѣлавъ все это, пришло къ выводу: нѣтъ ихъ вины.

Истина есть истина".

И все же затѣмъ — заточеніе. Среди глумленія, издѣвательствъ, лишеній и непереносимыхъ душевныхъ страданій, Государыня всей глубиной своей вѣры, всѣмъ сіяніемъ нравственной чистоты и величія не только крѣпила и духовно возвышала нашу страстотерпицу, мученическую Царскую Семью, но и была до послѣдняго часа необоримой опорой ея и единымъ вѣрнымъ другомъ Государя Императора. Недаромъ, по словамъ близкихъ, онъ говорилъ, что не перенесъ бы всѣхъ мукъ и искушеній, если бы съ нимъ не было горячо любимой имъ Императрицы.

„Послѣдніе земные дни Государыни, какъ сказалъ большой русскій писатель, свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ величіемъ духа было озарено Ея уже немощное тѣло".

Какая жизнь!.. и сколько страданій!

И въ нихъ — какая она всегда женственная, какая мужественная!

Сколько ею лично принесено жертвъ! Но принесены онѣ не даромъ: ибо придетъ время, и не только наша страна, но и человѣчество преклонятся предъ Ней, какъ передъ несокрушимой нравственной силой, предъ изумительнымъ величіемъ духа женщины, матери и Императрицы.

И если будетъ воздвигнутъ памятникъ во имя того, что за эти годы пережили русскія женщины, мы увидимъ на пьедесталѣ бронзовую фигуру Императрицы Александры Ѳеодоровны съ прижатымъ къ груди сыномъ Наслѣдникомъ и со взглядомъ, устремленнымъ въ свѣтлыя дали нашей великой страны.

Мы услышимъ съ горнихъ высотъ славословіе мученицы Царицы Александры:

„Господь крѣпость моя и щитъ мой,
На Него уповало сердце мое,
И Онъ помогъ мнѣ.
Посему возвеселилось сердце мое,
И пѣснею моею я прославлю Его.
Господь крѣпость народа Своего.
Онъ спасительная защита помазанника Своего.
Спаси народъ Твой, и благослови наслѣдіе Твое,
И паси ихъ, и возноси ихъ вовѣки“ (Пс. XXVIII).

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
1.	Принцесса Алиса Гессенская . . .	5
2.	Невѣста	12
3.	Бракосочетаніе	19
4.	Молодая Императрица	26
5.	Императрица Александра Ѳеодоровна и Государь	36
6.	Государыня — Мать	42
7.	Государыня и Наслѣдникъ . . .	52
8.	Государыня Императрица	59
9.	Царица Александра Ѳеодоровна — православная христіанка	69
10.	Государыня и Россія	78
11.	Въ дни войны и революціи . . .	86
12.	Въ заточеніи	93
13.	Царица — Мученица	100

Того же автора:

1. СВѢТЛЫЙ ОТРОКЪ (Е. И. В Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ)
— изданіе распродано

2. РУССКАЯ ДѢВУШКА (Е. И. В. Великая Княжна Ольга Николаевна)
— изданіе распродано.

Готово къ печати:

Новое изданіе книги —
СВѢТЛЫЙ ОТРОКЪ
(около 300 стран. со многими иллюстраціями)

Къ печатанію будетъ приступлено послѣ сбора необходимыхъ средствъ.
Пожертвованія на улучшеніе и украшеніе изданія принимаются Правленіемъ
Общества памяти Государя Императора НИКОЛАЯ II
(Kr. Natalije 33, Belgrade, Yougoslavie)

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK254
.A5
S3

15 дин. — 40 ам. центовъ